

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОНИТОРИНГ
ЭКОНОМИКИ
ОБРАЗОВАНИЯ

№ 8 (50)

ISSN 2782-5353

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ ОБРАЗОВАНИЯ

Барьеры доступности
высшего образования и социальные
факторы дифференциации
образовательных траекторий

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
БЮЛЛЕТЕНЬ

№
2
0
2

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОНИТОРИНГ
ЭКОНОМИКИ
ОБРАЗОВАНИЯ

№ 8 (50)

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ ОБРАЗОВАНИЯ

Барьеры доступности
высшего образования и социальные
факторы дифференциации
образовательных траекторий

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
БЮЛЛЕТЕНЬ

МОСКВА 2023

УДК 316.74:378
ББК 60.56
Б24

Редакционная коллегия:

Я. И. Кузьминов (главный редактор), Л. М. Гохберг, Н. Б. Шугаль

Авторы:

Малиновский С. С., старший научный сотрудник ПУЛ «Развитие университетов»
Института образования НИУ ВШЭ;
Шибанова Е. Ю., научный сотрудник ПУЛ «Развитие университетов»
Института образования НИУ ВШЭ

Барьеры доступности высшего образования и социальные факторы дифференциации образовательных траекторий : информационный бюллетень / С. С. Малиновский, Е. Ю. Шибанова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : НИУ ВШЭ, 2023. – 38 с. – (Мониторинг экономики образования, ISSN 2782-5353 ; № 8 (50)).

В информационном бюллетене анализируются барьеры доступности высшего образования и социальные факторы, определяющие выбор траектории обучения. Рассматриваются образовательные ожидания российских семей, восприятие ими препятствий поступлению в вуз, различия в планируемых траекториях после окончания основной и старшей школы, доступность магистратуры. В фокусе внимания – уровень образования и материальное положение родителей как наиболее значимые факторы дифференциации образовательных возможностей. Материал подготовлен по результатам обследования домохозяйств, проведенного в рамках проекта НИУ ВШЭ «Мониторинг экономики образования» в 2021/2022 уч. г.

УДК 316.74:378
ББК 60.56

Публикация подготовлена в рамках проекта «Мониторинг экономики образования», реализуемого в соответствии с Тематическим планом научно-исследовательских работ и работ научно-методического обеспечения, предусмотренных Государственным заданием НИУ ВШЭ на 2022 год.

Editorial Board:

Yaroslav Kuzminov (Editor-in-Chief), Leonid Gokhberg, and Nikolay Schugal

Authors:

Sergey Malinovskiy, Senior Research Fellow, Laboratory for University Development,
Institute of Education, HSE University;
Ekaterina Shibanova, Research Fellow, Laboratory for University Development,
Institute of Education, HSE University

Barriers to Access to Higher Education and Social Differentiation of Educational Pathways : Information Bulletin / S. Malinovskiy, E. Shibanova; National Research University Higher School of Economics. – Moscow : HSE, 2023. – (Monitoring of Education Markets and Organizations; No. 8 (50)).

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2023
При перепечатке ссылка обязательна

Содержание

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ АББРЕВИАТУРЫ	4
ВВЕДЕНИЕ	5
1. ДОСТУПНОСТЬ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОЖИДАНИЯ СЕМЕЙ	6
1.1. Динамика охвата высшим образованием в России	6
1.2. Высшее образование в восприятии населения	8
1.3. Структурные изменения в третичном образовании	10
2. БАРЬЕРЫ ДОСТУПНОСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	12
2.1. Дифференциация образовательных ожиданий	12
2.2. Барьеры доступности высшего образования в разрезе материального и образовательного уровней семей	15
2.3. Финансовые барьеры	17
2.4. Территориальные барьеры	20
3. СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЙ	23
3.1. Образовательный выбор после основной школы	23
3.2. Образовательный выбор после старшей школы	26
3.3. Доступность постбакалаврского высшего образования	29
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	31
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	34
ПРИЛОЖЕНИЕ	36

Используемые аббревиатуры

- ВЦИОМ** – Всероссийский центр изучения общественного мнения
- НИУ ВШЭ** – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- ОЭСР** – Организация экономического сотрудничества и развития
- СПО** – среднее профессиональное образование
- ISCED** – International Standard Classification of Education

Введение

Высшее образование стало общественной нормой и частью пакета услуг современных государств. Долгое время количественное расширение масштабов этой системы рассматривалось как панацея от многих бед, в том числе от социального неравенства. Рост охвата высшим образованием формально уравнивал образовательные возможности всех групп населения. Однако даже страны с массовым охватом существенно различаются по степени выраженности социально обусловленных барьеров доступности образования и его качеству.

Оказалось, что и на фоне расширения возможностей получения вузовского диплома он остается ценным общественным и экономическим ресурсом, в конкурентной борьбе за который обеспеченные и образованные семьи почти всегда оказываются в выигрыше. В ситуации, когда участие в высшем образовании стало массовым, его наличие как обеспечивает социальную мобильность, так и закрепляет социальную стратификацию.

Россия не исключение: нам свойственны «болезни роста», схожие с теми, которые были в странах с опытом аналогичного стремительного расширения вузовского сегмента. При массовом третичном образовании сохраняются барьеры доступности образовательных возможностей и отмечаются риски их укоренения. Во-первых, этап образовательной экспансии сменился стабилизацией охвата высшим образованием. Во-вторых, если поступление в вуз с большой вероятностью гарантировано почти каждому старшекласснику, этого нельзя сказать о тех, кто выбрал (или был вынужден выбрать) после основной школы траекторию СПО. В-третьих, при значительной, по мировым меркам, обеспеченности местами в университетах, достаточное (и уж тем более высокое)

качество вузовского образования становится социальной обусловленной привилегией. В-четвертых, многое зависит от того, в каком регионе страны, на какой территории родился ребенок.

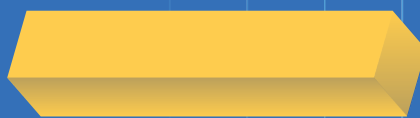
Предлагаемая работа ставит целью выявить барьеры доступности высшего образования в России и социальные факторы дифференциации образовательных возможностей в ключевых траекторных узлах.

В первом разделе содержится обзор динамики охвата высшим образованием в России и срез представлений населения о его социальной желательности. Также суммированы ключевые тренды и структурные изменения российской системы высшего образования. Они важны для понимания контекста, в котором семьи осуществляют образовательный выбор и разворачивается действие факторов социальной дифференциации.

Во втором разделе предложен анализ барьеров доступности высшего образования в восприятии населения и их различий в разрезе социального положения семей.

В третьем разделе анализируется социальная дифференциация планов семей в ключевых точках образовательных переходов: после 9, 11 классов, бакалавриата/специалитета. Образовательный уровень и материальное положение семьи традиционно остаются наиболее значимыми факторами различий в траекториях обучения детей по окончании школы. Именно эти характеристики находятся в фокусе предлагаемой работы и задействованы в качестве сквозных разрезов при анализе исследуемой проблематики. Уточнения по вопросам анкеты и специфике мониторинга данных приведены в Приложении.

В конце работы представлены основные выводы и предложены рекомендации.

1. Доступность высшего образования и образовательные ожидания семей

Россия относится к странам с массовым охватом высшим образованием, причем сравнительно высокие показатели охвата были достигнуты еще во времена СССР. Рыночный транзит также привел к существенной экспансии высшего образования. Как советские нормы бесплатности, так и потребности новой рыночной экономики сформировали широко распространенные

представления о необходимости и даже обязательности высшего образования. Мест в университетах, в том числе обеспеченных государственным бюджетом, по мировым меркам немало, но спрос на диплом вуза еще более значителен. Структурные изменения системы третичного образования последних лет могут усилить этот дисбаланс.

1.1. Динамика охвата высшим образованием в России

Применительно к советскому периоду динамику показателей охвата высшим образованием можно назвать скачкообразной. Расширение приема в вузы во многом определялось задачей обеспечения новой индустриальной экономики кадрами, а также сопутствующим развитием системы вузов, созданием новой инфраструктуры, запуском сети отраслевых университетов. Наиболее существенный рост охвата произошел в 1960-х гг., когда количество мест в вузах относительно релевантной когорты населения (17–25 лет)¹ увеличилось в 2 раза (во многом за счет расширения использования возможностей заочного обучения). Вплоть до первых лет после распада СССР охват указанной возрастной категории оставался на стабильном уровне (13–16%).

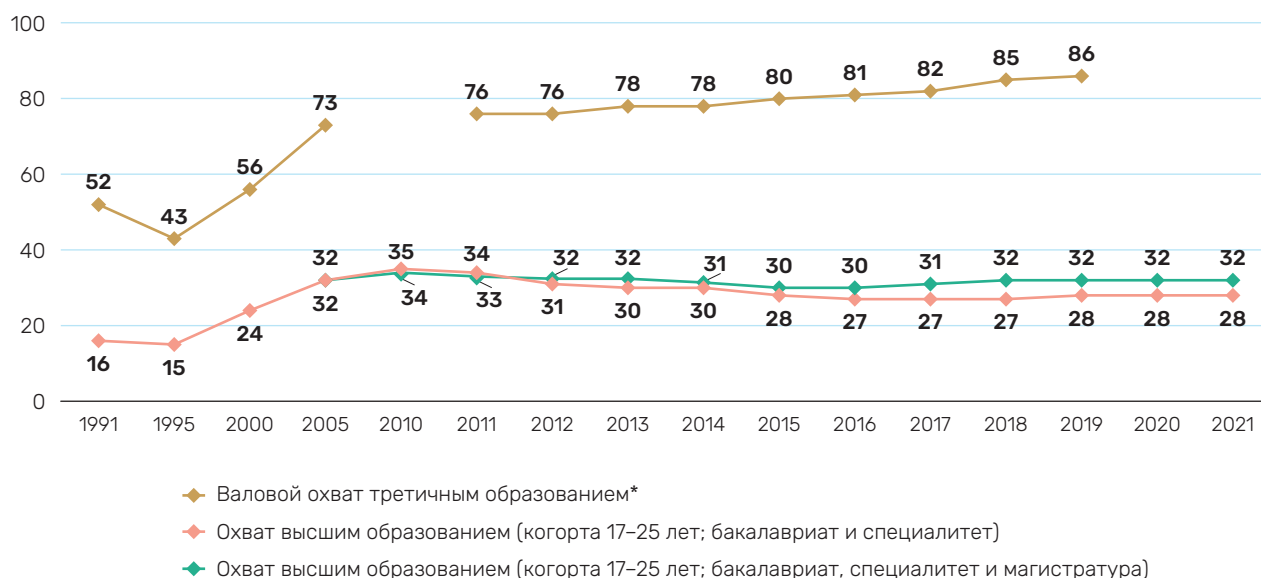
В 1990-х гг. проникновение рыночных механизмов в сектор, появление платного образования, укрупнение филиальной сети и спрос на заочные программы привели к стремительному росту охвата высшим образованием. Показатели увеличились в 2 раза за двадцать постперестроечных лет (рис. 1), а в 2010-х гг. стабилизировались. Сегодня около 30% релевантной возрастной когорты обучаются в вузах,

что соответствует уровню массовой доступности высшего образования.

По показателям охвата третичным образованием населения в возрасте 25–64 лет Россия – одна из стран-лидеров. Короткий цикл третичного образования уровня ISCED 5 в России соответствует СПО, а длинный цикл ISCED 6–8 представляют собственно программы высшего образования: бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. По степени участия населения в высшем образовании Россия находится на среднем для ОЭСР уровне (рис. 2). Однако суммарно с сегментом короткого цикла, который активно развивается, Россия по охвату третичным образованием занимает вторую позицию в мире.

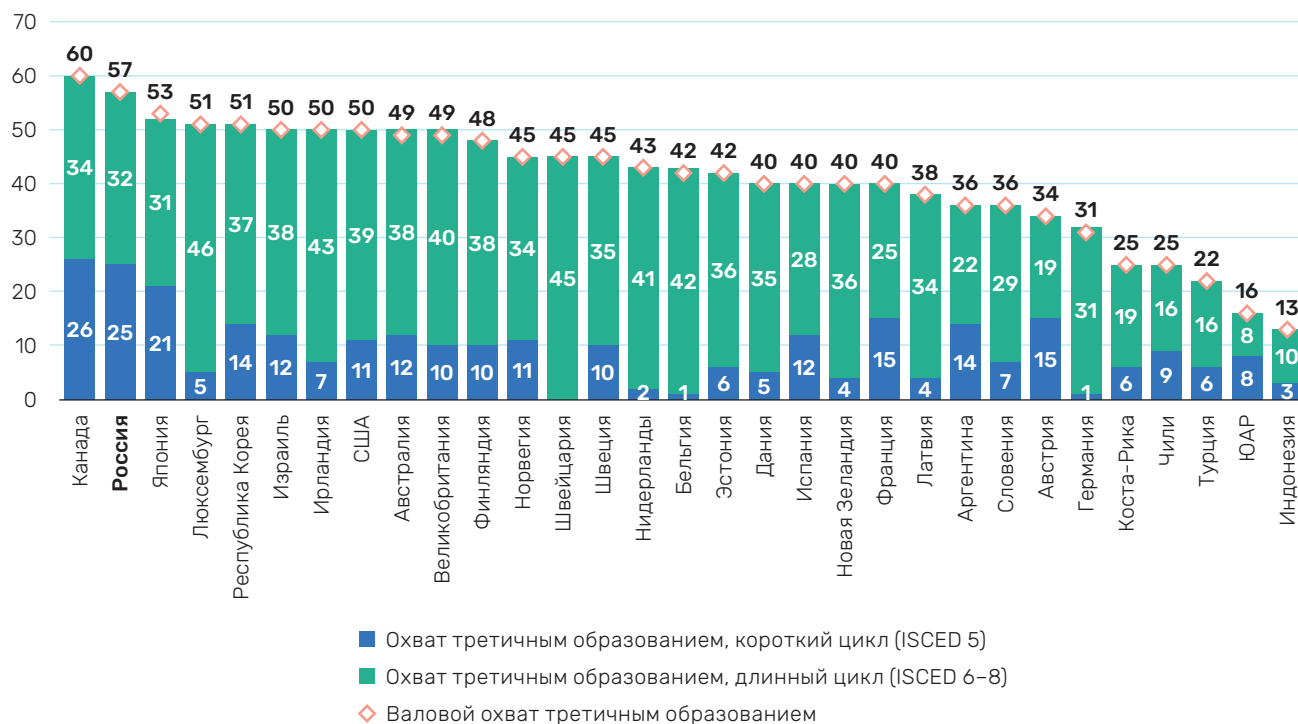
Сравнительно высокие показатели охвата длинным циклом были достигнуты прежде всего за счет расширения предложения со стороны вузов массового спроса (с услугами относительно низкого качества). Такая массовизация высшего образования позволила увеличить образовательную мобильность групп населения, ранее не представленных в системе высшего образования [Константиновский, 2018].

¹ В исследовании в качестве релевантной используется возрастная когорта 17–25 лет, если не указано другое.

Рис. 1. Показатели охвата третичным и высшим образованием населения России (проценты)

Источники: охват высшим образованием – по данным Госкомстата, Росстата, ИСИЭЗ НИУ ВШЭ [Индикаторы образования, 2022]; валовой охват третичным образованием – по данным Всемирного банка, <https://data.worldbank.org/indicator/SE.TER.ENRR> (дата обращения: 01.10.2022).

* Данные за 2010, 2020 и 2021 гг. отсутствуют.

Рис. 2. Показатели охвата длинным и коротким циклами третичного образования по странам: 2020 (проценты)

Источник: OECD Database, <https://doi.org/10.1787/5becebdb-en> (дата обращения: 01.10.2022). Приведены данные по показателю «Educational attainment of 25–64 year-olds (2020): Percentage of adults with a given level of education as the highest level attained».

Концентрация предложения в ограниченном числе регионов и вузов привела к постепенному сокращению мест на программах стартовых ступеней (бакалавриата и специалитета) относительно релевантной возрастной когорты: с 35% в 2010 г. до 28% в 2021 г. При этом на законодательном уровне устойчиво поддерживается относительный охват бюджетными местами в вузах: их доля для релевантной когорты последнее десятилетие – 12–13% [Малиновский, Шибанова, 2022а]. Ключевым фактором такой стабилизации стало сокращение предложения

со стороны коммерческого сектора и сегмента заочного образования на фоне государственной политики борьбы с организациями, предлагающими низкое качество обучения.

Несмотря на сохраняющееся представление о всеобщем высшем образовании и перепроизводстве высококвалифицированных кадров, охват высшим образованием в России имеет потенциал для роста. Спрос на вузовский диплом остается высоким, в то время как предложение образовательных программ относительно релевантной когорты не увеличивается.

1.2. Высшее образование в восприятии населения

В советское время высшее образование было полностью бесплатным, то есть обеспеченным государством. Хотя по относительным показателям охвата поздний СССР сильно уступает современной России, в общественном сознании сохранилось представление о том, что обеспечение высшим образованием – это мандат государства и обучение в вузах должно быть общедоступным.

Массовизация высшего образования, произошедшая в первые два десятилетия после распада Советского Союза, сформировала практически всеобщий запрос на соответствующий диплом со стороны населения. В указанный период эта норма в первую очередь базировалась на заинтересованности со стороны семей на фоне перехода к рыночной экономике и востребованности новых компетенций на рынке труда. То есть сегодня высшее образование несет на себе отпечатки наследия как СССР, так и постсоветской трансформации вузовской системы и всего общества. И такая гибридизация принципов проецируется на запросы населения.

Большинство россиян считают государство ответственным за поддержание социальной справедливости и предоставление общедоступных благ, включая уход за детьми, здравоохранение и все уровни образования [Van Oorschot, Gugushvili, 2019]. Бесплатное обучение в университетах – часть постсоветского общественно-политического договора, в соответствии с которым в России сохраняется массовый доступ к широкому набору услуг государства всеобщего благосостояния. С 2010-х гг. удалось достигнуть успехов во всех

сферах социальной политики, в том числе был взят курс на более активную роль государства в координации вузовской системы. Этот тренд можно рассматривать в русле политики противостояния коммодификации образования, обеспечения минимальных стандартов качества и расширения позитивных общественных эффектов, производимых высшими учебными заведениями [Shibanova, Malinovskiy, 2021].

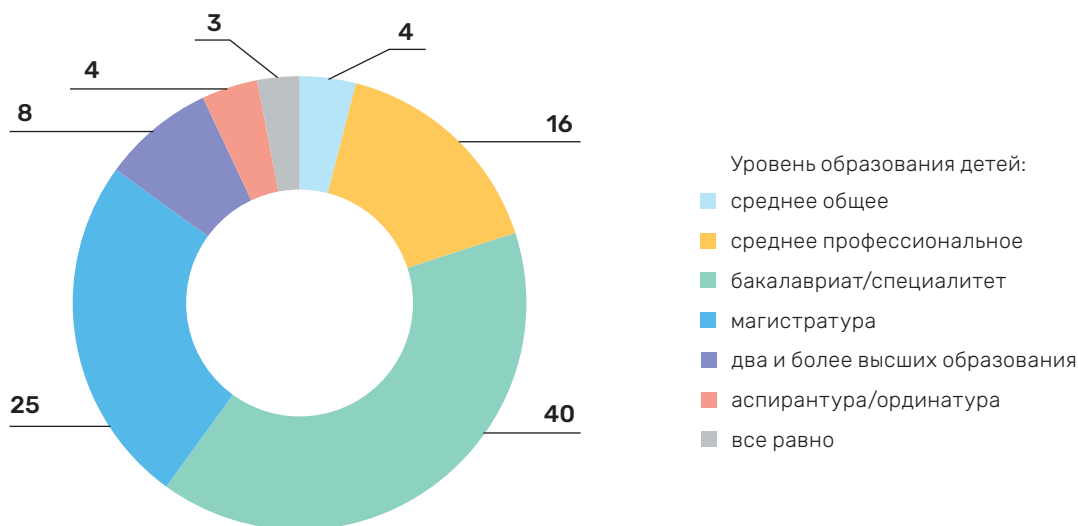
Конституция закрепляет право на бесплатное зачисление в государственные вузы на конкурсной основе по результатам формальных экзаменов. Обязательства государства по обеспечению образовательных возможностей изложены в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Не менее 800 мест в вузах в расчете на каждые 10 тыс. человек населения в возрасте 17–30 лет, проживающих в России, финансируются из средств федерального бюджета.

С этой точки зрения право на обучение в вузе соответствует универалистской логике социального права, получаемого на основании гражданства. Неслучайно большинство домохозяйств предпочитают финансируемое государством высшее образование стандартного качества даже незначительным собственным инвестициям в обучение по более качественным программам [Shibanova, Malinovskiy, 2021].

В представлении населения высшее образование – не только всеобщее право, но и социальная норма. На рис. 3 показаны ожидания семей относительно максимального уровня образования, которого они хотели

Рис. 3. Желаемый максимальный уровень образования детей, по мнению родителей
(в процентах от численности ответивших родителей)

❓ Какого максимального уровня образования Вы бы хотели, чтобы достигли дети из Вашей семьи?

Источник: НИУ ВШЭ, обследование домохозяйств в рамках Мониторинга экономики образования, 2021/2022 уч. г.

бы для своих детей: 40% опрошенных желают, чтобы дети получили диплом бакалавра или специалиста; треть родителей рассчитывают на магистратуру или два высших образования; еще 4% рассматривают в качестве максимума аспирантуру. Суммарно почти 80% респондентов считают предпочтительным бакалавриат, магистратуру или аспирантуру.

Таким образом, можно говорить о фактически всеобщем запросе населения на высшее образование. Этот запрос не просто является культурной нормой – он опирается на фундаментальные экономические (инструментальные) преимущества данного уровня образования. Его получение не только способствует росту социального и профессионального статусов, – он имеет ценность в виде преимущества на рынке труда. Экономическая отдача от высшего образования в России значительна и варьируется в зависимости от полученной специальности и престижа университета. По сравнению с выпускниками средней школы, выпускники вузов получают до 40% больше. И ни один другой уровень образования не способен соревноваться с зарплатной отдачей на рынке труда, которую дает диплом университета. Отдача на рынке труда ближайшей конкурентной альтернативы – СПО – по разным

оценкам уступает диплому вуза в 2–5 раз [Капелюшников, 2021; Melianova et al., 2020].

Помимо высокой экономической привлекательности, высшее образование обладает и внутренней ценностью, укоренившейся в общественном мнении. Процент тех, кто считает, что оно необходимо для получения знаний или что его принято иметь, примерно равен доле населения, которая видит в наличии университетского диплома шанс на получение хорошей работы [Фонд общественного мнения, 2020].

Стремление населения к достижению уровня высшего образования – существенное подспорье в развитии человеческого капитала в стране, формировании экономики знаний и в целом насыщенной культурной среды. Однако с этим же связан серьезный вызов: емкость вузовской системы не может соответствовать столь масштабной заинтересованности в получении высшего образования. Россия уже достигла показателей массового охвата. При этом бюджетное финансирование не способно обеспечить всеобщий запрос на диплом вуза, а коммерческий сегмент в последние годы сокращался. Более того, демографические тренды только увеличат нагрузку на третичное образование [Gabdrakhmanov,

Leshukov, 2021]. Дисбаланс ожиданий и физической емкости системы будет создавать риски нарастания социального неравенства. Опыт других стран показывает, что более обеспеченные семьи, как правило,

оказываются в выигрышном положении в контексте подобного дисбаланса. В силу ряда институционально заданных ограничений различия в образовательных возможностях населения будут иметь тенденцию к усилению.

1.3. Структурные изменения в третичном образовании

Далее зафиксируем структурные изменения последнего десятилетия, сформировавшие в России институциональный ландшафт, в котором актуализируется социальная дифференциация доступности третичного образования и образовательных траекторий российских школьников.

Структурно-функциональная реорганизация. Государственная политика последнего десятилетия ориентирована на поддержку модели многопрофильного университета, активный контроль качества образования и эффективности деятельности вузов, а также структурно-функциональную реорганизацию вузовской сети (создание и развитие национальных исследовательских, федеральных, опорных университетов, реализацию новых инициатив, таких как проект «5–100», программа «Приоритет–2030». Возрос средний уровень качества высшего образования, улучшилась эффективность системы в целом, укрепились национальные лидеры.

В то же время это привело к сокращению количества организаций и консолидации образовательных возможностей в ограниченном числе регионов и университетов. Например, в 2014 г. в крупных государственных вузах (более 15 тыс. студентов) обучались четверть всех очников страны, в 2021 г. – уже почти 31%². Сегодня свыше половины студентов учатся в городах-миллионниках, а 56 ведущих университетов³ концентрируют 21% контингента государственного сектора, почти треть магистров и более 40% объема бюджетного финансирования вузов⁴.

Доступность высококачественного высшего образования обусловлена (в том числе институционально) консолидацией предложения. При массовой доступности мест в вузах образовательное неравенство начинает проявляться в возможности получить более престижный диплом в рамках формально одинакового уровня образования представителями разных социально-экономических групп.

Переориентация на траектории профессионального образования. Уже с 2000-х гг. программы СПО стали опережать высшее образование по темпам прироста приема, в 2020 г. опережение произошло по абсолютному приему. Если еще десять лет назад колледж часто воспринимали как возможность поступить в вуз в обход ЕГЭ, то сегодня такие организации перестали быть только транзитными пунктами и приобрели самостоятельную привлекательность [Мальцева, Шабалин, 2021].

Структура образовательных потоков заметно поменялась. Наметился устойчивый тренд: семьи переориентируют траектории своих детей после окончания основной школы на программы СПО. В течение последних двух десятилетий более чем на 30% увеличилась доля выпускников, которые после 9 класса выбирают колледжи для дальнейшего обучения, а не переходят в 10 класс для продолжения академического трека.

Важность структурного маневра заключается в следующем: от массовой старшей школы и селективного приема в вузы в позднесоветские времена Россия постепенно переходит к более селективному приему в старшую школу и сравнительно более простому

² Расчеты авторов по данным Мониторинга эффективности деятельности организаций высшего образования 2014 и 2021 гг. <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo> (дата обращения: 20.09.2022).

³ К категории ведущих в соответствии с Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 30 октября 2015 г. № 1272 относятся следующие вузы: федеральные, национальные исследовательские университеты, МГУ им. М. В. Ломоносова, СПбГУ, а также вузы, перечень которых приведен в Указе Президента Российской Федерации от 9 сентября 2008 г. № 1332 с учетом дополнений 2009, 2011–2015 и 2018 гг.

⁴ Расчеты авторов по данным Мониторинга эффективности деятельности организаций высшего образования 2021 г. <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo> (дата обращения: 20.09.2022).

поступлению ее выпускников в вуз. В настоящий момент только половина обучающихся переходят в 10 класс, зато семь из десяти сразу после окончания 11 класса оказываются в университетах [Малиновский, Шибанова, 2022b].

Социальная стратификация образовательных возможностей в третичном секторе.

Ее закреплению способствовали стабилизация охвата высшим образованием, переориентация спроса на СПО и значительное изменение структуры потоков, о чем говорилось выше. Образовательный переход после основной школы стал критически важным выбором образовательной траектории, во многом определяющим дальнейшую социальную мобильность обучающихся. Причем разделение на профессиональную и академическую траектории после основной школы все чаще определяется не академическими достижениями, а социальным положением и культурным капиталом семьи обучающегося. Более того, риски социальной эксклюзии (то есть частичного или полного исключения из системы общественных институтов) повышаются. Так, доля студентов из обеспеченных и образованных семей растет не только в вузах, не только в высокоселективных университетах: все более заметным становится имущественный барьер в контексте обучения в системе СПО [Малиновский, Шибанова, 2022b].

Региональная дифференциация. В России внутреннее устройство вузовской сети и степень доступности (в том числе финансовой) качественного обучения различается по территориальному принципу. Усиливается группа

региональных хабов, в которых концентрируется предложение высшего образования (как в количественном, так и в качественном плане). В свою очередь, многие регионы выступают в роли поставщиков абитуриентов, включая наиболее талантливых, для регионов-лидеров.

Наблюдается существенный разрыв между субъектами Российской Федерации с точки зрения охвата высшим образованием. В самом выигрышном положении находятся потенциальные студенты, проживающие в Центральном федеральном округе и ряде регионов Сибири, где вместимость системы вузов и прочие факторы, определяющие доступность высшего образования, сочетаются наиболее благоприятным образом. Программы магистратуры также преимущественно сосредоточены там, где находятся ведущие университеты.

Только около трети студентов мигрируют из региона окончания школы для получения образования, остальные же учатся в регионе проживания. Таким образом, значительная доля выпускников ограничена в реализации своего потенциала, поскольку в ряде территорий доступность высшего образования вообще и качественного в частности остается невысокой [Малиновский, Шибанова, 2020].

Приведенные институциональные ограничения усиливают риски социальной дифференциации доступности образовательных возможностей. Эти тренды важны для дальнейшего анализа того, как ожидания людей от будущего обучения в вузе, барьеры и траектории получения диплома зависят от социально-экономического положения семей.

2. Барьеры доступности высшего образования

Далее рассмотрены барьеры доступности высшего образования с точки зрения населения. Сначала приведены результаты мониторинга социальной дифференциации притязаний семей и их мотивации к получению диплома

вуза. Затем следует анализ восприятия ключевых барьеров, которые могут помешать детям достигнуть цели. Отдельно представлены финансовые и территориальные факторы доступности.

2.1. Дифференциация образовательных ожиданий

Наличие диплома вуза воспринимается как самооценность, атрибут статусности и успешности. Всеобщее желание иметь его опирается на массовые патерналистические установки, нормативно закреплённую бесплатность высшего образования и будущие экономические выгоды. Социально обусловленный и «перегретый» спрос именно на такой диплом обуславливает принципиальную невозможность и без того масштабной вузовской системы удовлетворить все притязания населения. Следовательно, образовательные ожидания семей будут наталкиваться на объективные ограничения.

Надо отметить, что сами эти ожидания (напрямую связанные с перспективами, проецируемыми на наличие диплома вуза) в существенной степени дифференцированы. Фактором, обуславливающим различия, является материальное положение (рис. 4). Чем выше достаток домохозяйства, тем реже рассматриваются какие-либо варианты, кроме диплома вуза. Так, в наименее обеспеченной группе населения считают максимальным желаемым уровнем образования СПО (и даже школьный аттестат) почти треть опрошенных, а в наиболее обеспеченной – только одно из десяти домохозяйств.

В целом заметна закономерность: чем выше достаток семьи, тем значительнее притязания по поводу образовательного уровня детей. Как будет показано далее, некоторые культурно

развитые и обеспеченные семьи прибегают к СПО как к возможности обходного пути попадания в университеты, особенно при невысокой успеваемости ребенка. Однако в целом планы семей среднего класса и выше⁵ не меняются: для них получение детьми диплома вуза – безальтернативная стратегия.

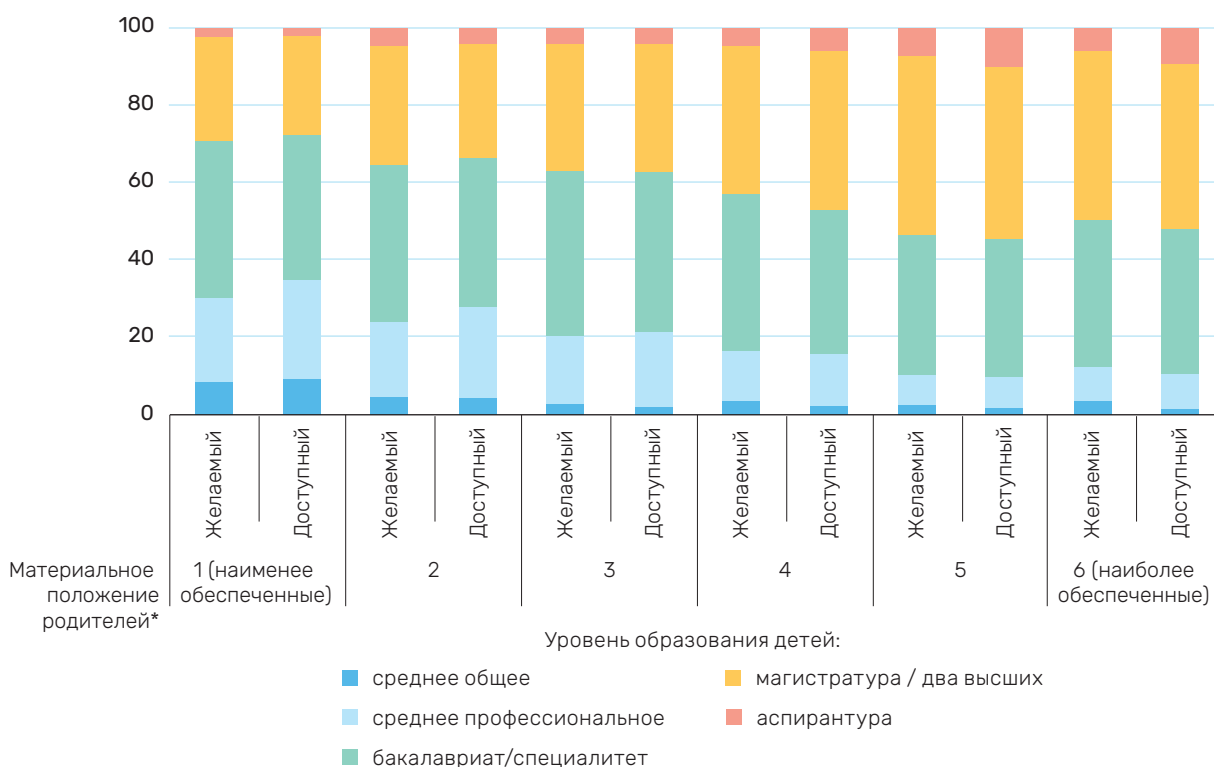
Родители с высоким уровнем дохода рассчитывают на получение детьми степени магистра и двух высших образований. Это опять же в меньшей степени характерно для детей из недостаточно обеспеченных семей (рис. 4).

Образовательный бэкграунд родителей традиционно считается еще более сильным фактором дифференциации образовательных ожиданий. Если материальное положение, как правило, обуславливает наличие ресурсов, достаточных для оплаты дополнительной подготовки и обучения на более высоких уровнях, то образование родителей влияет на проявление так называемых вторичных эффектов неравенства [Boudon, 1974]. Это происходит, когда образовательный выбор приоритизируется, исходя из культурных норм и семейных представлений, а не из фактической академической подготовленности ребенка. Выбор поступления в университет как принципиальной, единственно возможной опции образовательной траектории по большей части определяется тем, какую ценность для жизненного успеха

⁵ См. Приложение, Материальное положение родителей, доходные категории 3–6.

Рис. 4. Желаемый и доступный уровни образования детей по материальному положению родителей
(в процентах от численности ответивших родителей)

- ❓ Какого максимального уровня образования Вы бы хотели, чтобы достиг Ваш ребенок? (желаемый уровень образования)
- ❓ Как Вы считаете, какой максимальный уровень образования он/она (Ваш ребенок) сможет получить? (доступный уровень образования)

Источник: НИУ ВШЭ, обследование домохозяйств в рамках Мониторинга экономики образования, 2021/2022 уч. г.

* Здесь и далее (рис. 6, 10, 11, 13) – см. Приложение.

семья придает диплому вуза, особенно если у родителей есть собственный опыт его получения и культурные нормы, которые они готовы транслировать ребенку.

Как видно из рис. 5, несмотря на наиболее высокую зарплатную отдачу на рынке труда и социальный статус, приобретаемые благодаря окончанию вуза, 60% наименее образованных семей не рассматривают высшее образование как желаемый и возможный уровень для детей. Среди родителей, имеющих степень магистра или два высших образования, доля таковых почти в 3 раза меньше.

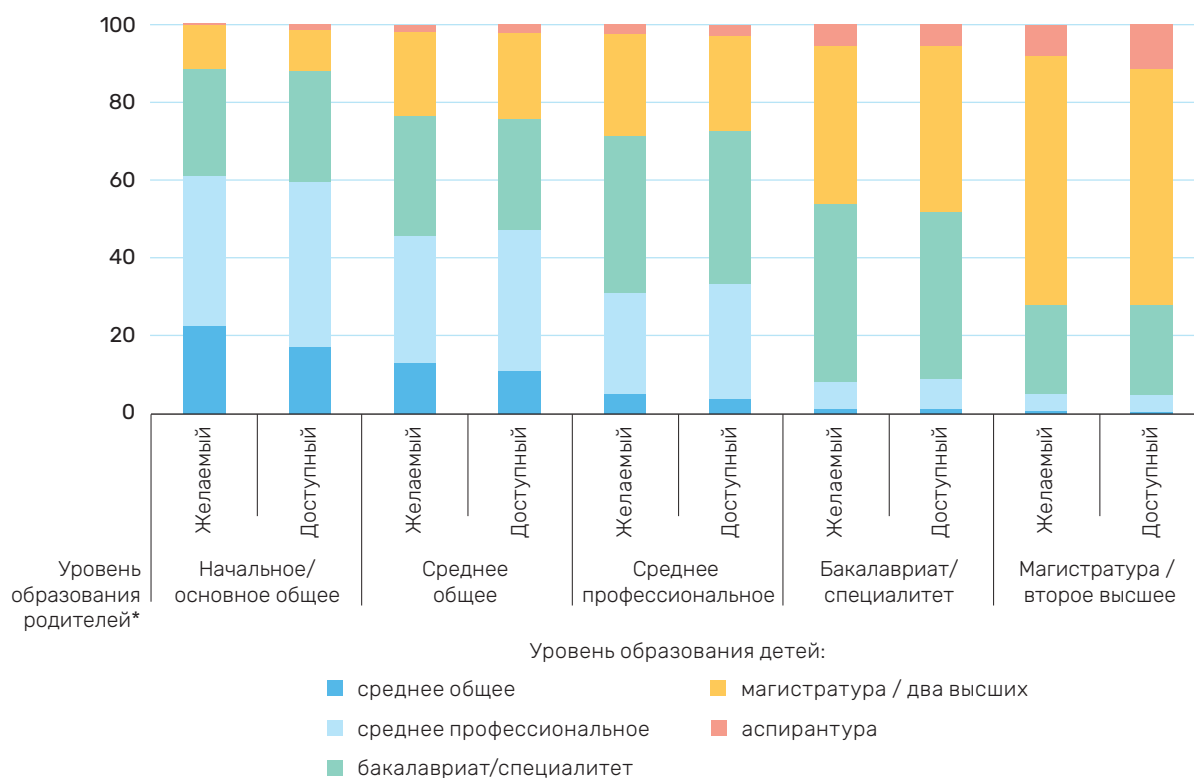
В целом родители, которые сами имеют диплом вуза, в подавляющем большинстве (90%) и для своих детей не рассматривают вариант получения образования ниже высшего. Более

того, для наиболее образованных семей даже бакалавриат не является достаточным максимумом: 70% из них настроены на получение детьми степени магистра или обучение в аспирантуре. При этом среди родителей, имеющих СПО, на постбакалаврское образование нацелены только 30%; из тех, кто не получал третичного образования, о подобной траектории для своих детей задумывается только каждый десятый.

Спрос семей среднего класса и наиболее обеспеченных семей (доходные категории 3–6), а также родителей с максимальным уровнем образования на постбакалаврские образовательные возможности более распространен, чем на бакалавриат (рис. 4, 5). Востребованность магистратуры в целом несколько опережает предложение этого

Рис. 5. Желаемый и доступный уровни образования детей по уровню образования родителей
(в процентах от численности ответивших родителей)

- ❓ Какого максимального уровня образования Вы бы хотели, чтобы достиг Ваш ребенок? (желаемый уровень образования)
- ❓ Как Вы считаете, какой максимальный уровень образования он/она (Ваш ребенок) сможет получить? (доступный уровень образования)

Источник: НИУ ВШЭ, обследование домохозяйств в рамках Мониторинга экономики образования, 2021/2022 уч. г.

* Здесь и далее (рис 7, 9, 14–19) – см. Приложение.

сегмента в России. В 2021 г. магистры составляли 21.8% от общего числа выпускников вузов (без учета аспирантов) [Индикаторы образования, 2022]. При этом запрос на магистратуру предъявляет каждое четвертое домохозяйство в России, а на второе высшее образование – каждое десятое⁶. Однако конкуренция за места в магистратуре актуальна в первую очередь для семей с высоким социально-экономическим статусом и образовательным уровнем. Данная ситуация связана с институциональным контекстом российской вузовской системы, в том числе с концентрацией программ магистратуры в ограниченном числе университетов и регионов.

О феномене дифференциации ожиданий в зависимости от образовательного и материального капиталов родителей подробно говорится в академической и экспертной литературе [например, Попов и др., 2012; Шибанова и др., 2021]. Семьи со значительным социальным статусом придают высшему образованию большую ценность и их карьерные притязания высоки. Для семей с меньшим материальным и культурным капиталом другие образовательные траектории также приемлемы, поскольку ставка делается на гарантированные варианты поступления и окончания обучения. Хорошо обеспеченные и образованные семьи в большей степени склонны к принятию

⁶ По данным Мониторинга экономики образования, 2021/2022 уч. г.

неудачи, то есть к отклонению от запланированной траектории, поскольку обладают ресурсами, чтобы позволить своим детям рисковать; наконец, они лучше информированы о возможностях и ограничениях поступления в вузы.

Интересно отметить, что у всех групп населения мотивация к обучению детей в вузе схожа: главный резон – получение хорошо оплачиваемой работы. Две трети опрошенных домохозяйств называют именно эту причину⁷. 40% также указывают на возможность стать востребованным специалистом, примерно столько же считают, что наличие диплома вуза поможет добиться жизненного успеха и сделать карьеру.

Такая структура мотивации в равной степени характерна и для наименее, и для наиболее образованных семей. Соответственно, инструментальная ценность (то есть материальная выгода) высшего образования является универсально преобладающей и не сильно

зависит от культурного капитала родителей. Мотивационные установки, связанные с внутренней (нематериальной) ценностью, проявляются намного реже. Например, желание найти интересную работу или получить фундаментальные знания называет только каждая пятая семья, а такие причины, как стремление стать культурным человеком, получить уважение окружающих или возможность заниматься научной деятельностью, указывают менее 10% опрошенных.

В целом анализ данных не позволил выделить какие-либо ярко выраженные особенности мотивации к получению высшего образования в разрезе материальной обеспеченности или образовательного уровня родителей. По сравнению с семьями менее благополучного социально-экономического положения, образованные и богатые больше ценят диплом вуза, но вот причины, по которым он важен, у всех примерно одинаковые.

2.2. Барьеры доступности высшего образования в разрезе материального и образовательного уровней семей

Значительная стоимость – традиционное препятствие на пути к высшему образованию [Чиркина, Гусейнова, 2021]. В качестве ключевого барьера почти треть семей указывают чрезмерную плату за обучение или связанные с ним расходы⁸. Далее по степени значимости следуют другие материально обусловленные преграды: недостаточное количество бюджетных мест, необходимость найти работу и начать зарабатывать самостоятельно; кроме того, среди ключевых барьеров родители отмечают недостаточный уровень мотивации детей. Каждое из этих трех ограничений называют примерно по 16% опрошенных.

Доминирование ресурсных барьеров доступности высшего образования неудивительно. Средняя стоимость платного высшего образования и сопутствующие затраты относительно среднедушевого дохода семей постепенно увеличивались на протяжении десятилетия

[Малиновский, Шибанова, 2022b]. Прирост количества мест в вузах, обеспеченных бюджетным финансированием, не успевает за темпами роста релевантной когорты, что создает дополнительную конкуренцию среди семей (в первую очередь в плане инвестирования в подготовку к поступлению в вузы).

Восприятие барьеров доступности высшего образования различается в зависимости от социального положения и культурного капитала семьи. Так, степень значимости затрат на обучение уменьшается по мере повышения уровня дохода. Логично, что для обеспеченных домохозяйств затраты на обучение не настолько ощутимы, как для менее обеспеченных семей (рис. 6).

При этом чем выше уровень дохода и образования семьи, тем чаще респонденты указывают на барьеры, которые касаются мотивационных установок. Для самых обеспеченных семей

⁷ По данным Мониторинга экономики образования, 2021/2022 уч. г. Анализ распределения ответов на вопрос «А для чего, на Ваш взгляд, сегодня стоит получать высшее образование прежде всего? Назовите, пожалуйста, три главные причины».

⁸ По данным Мониторинга экономики образования, 2021/2022 уч. г. Анализ распределения ответов на вопрос «Что, на Ваш взгляд, может помешать Вашим детям получить высшее образование? (отметьте не более трех вариантов)».

Рис. 6. Препятствия получению ребенком высшего образованию по материальному положению родителей
(в процентах от численности ответивших родителей)

❓ Что, на Ваш взгляд, может помешать Вашему ребенку получить высшее образование?*

Источник: НИУ ВШЭ, обследование домохозяйств в рамках Мониторинга экономики образования, 2021/2022 уч. г.

* Здесь и на рис. 7 – полные формулировки вариантов ответов: «Необходимость быстрее найти оплачиваемую работу и зарабатывать деньги», «Необходимость остаться дома и заботиться о родственниках (например, братьях или сестрах)», «Плата за обучение или траты, связанные с получением высшего образования, слишком высокие», «Отсутствие или недостаточное количество бюджетных мест», «Все подходящие вузы находятся слишком далеко», «Они не смогут пройти по конкурсу и/или завершить образование из-за низких оценок или недостаточных знаний», «Болезнь, плохое состояние здоровья», «Недостаточный интерес к учебе».

недостаточный интерес к обучению – даже более распространенная проблема, чем финансовые препятствия поступлению в вуз (рис. 6, 7).

Распространенность такого барьера, как ограниченное число бюджетных мест, немного возрастает по мере повышения образовательного и имущественного положения семей. Эта ситуация, на первый взгляд, контринтуитивна, но может объясняться тем, что именно бюджетный прием – наиболее востребованная опция для среднего класса. Наименее обеспеченные и культурно развитые семьи чаще рассматривают именно коммерческий вариант обучения, зачастую в недорогом заочном сегменте [Малиновский, Шибанова, 2022а].

Если обратиться к восприятию населением качественного высшего образования – или,

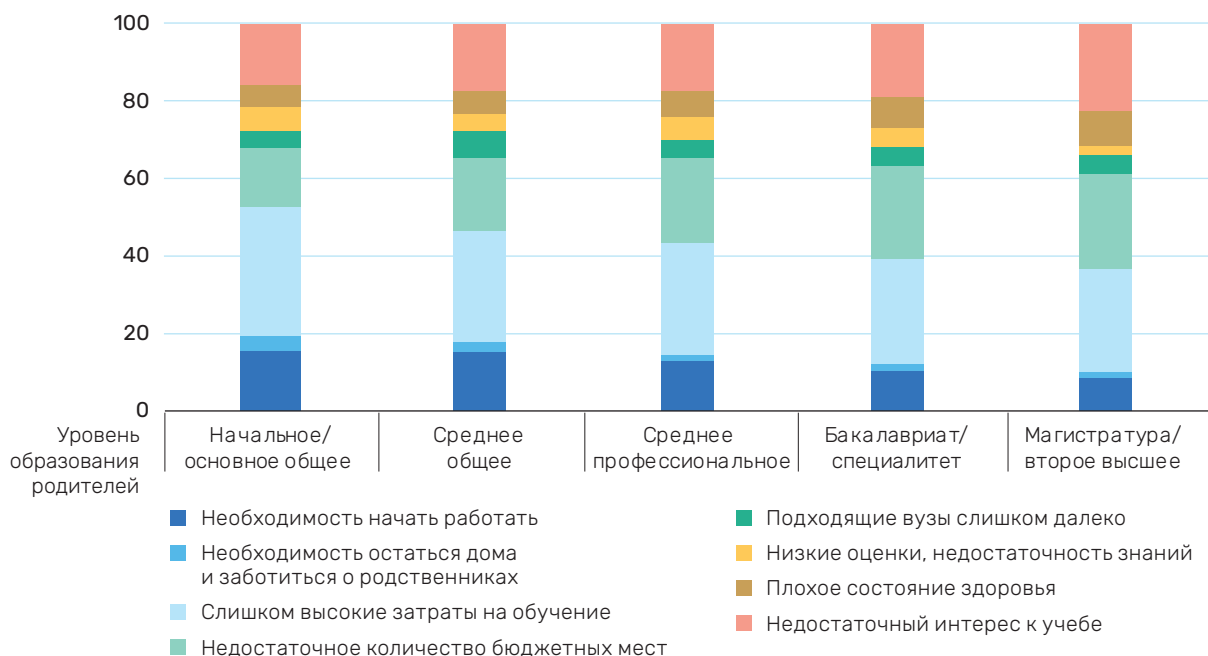
другими словами, диплома престижного университета, – то доступность в еще большей степени связана с финансовыми ограничениями. Почти 60% респондентов считают высокие затраты ключевым барьером его получения. Для 40% семей одновременно актуальна недостаточная обеспеченность престижных университетов бюджетными местами⁹. Финансовые препятствия примерно одинаково ощутимы всеми группами населения (кроме самых обеспеченных и образованных семей). Только 15% указывают на академические барьеры – низкий уровень подготовки ребенка и ограниченные возможности дополнительного обучения перед поступлением.

Преградой на пути к получению диплома высокоселективного вуза становится такой

⁹ По данным Мониторинга экономики образования, 2021/2022 уч. г. Распределение ответов на вопрос «Что, по Вашему мнению, может помешать Вашему ребенку получить высшее образование высокого качества (в престижном вузе)? (отметьте все подходящие варианты)».

Рис. 7. Препятствия получению ребенком высшего образования по уровню образования родителей
(в процентах от численности ответивших родителей)

❓ Что, на Ваш взгляд, может помешать Вашему ребенку получить высшее образование?

Источник: НИУ ВШЭ, обследование домохозяйств в рамках Мониторинга экономики образования, 2021/2022 уч. г.

фактор, как территориальное расположение. Обеспеченность местами в университетах со средним баллом приема более 70 дифференцирована в региональном разрезе, причем качество высшего образования в еще большей степени, чем количество,

сконцентрировано в регионах-магнитах [Малиновский, Шибанова, 2020]. Если в восприятии населения в целом это препятствие едва ли значимо, то в контексте доступности именно качества удаленность подходящих вузов – барьер для каждой десятой семьи.

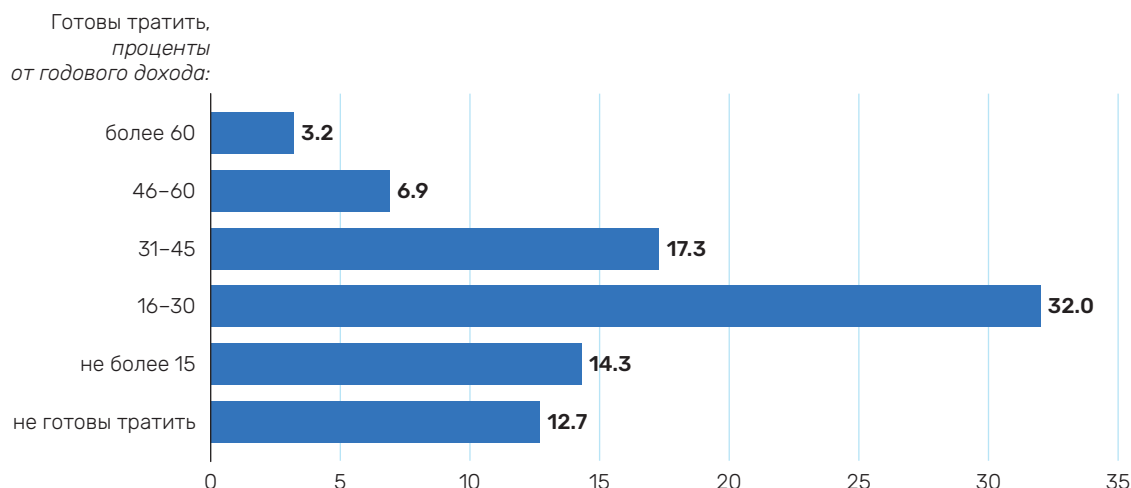
2.3. Финансовые барьеры

Частные инвестиции в высшее образование – один из способов удержания относительных показателей его доступности в России с учетом прогнозируемого роста релевантной когорты [Малиновский, Шибанова, 2022b]. Половина студентов обучаются на коммерческой основе. Причем, хотя некоторые университеты и ввели разные системы скидок, преобладающей остается практика полной оплаты. Это выделяет Россию среди многих стран, где, во-первых, стоимость обучения в вузах существенно дифференцирована; во-вторых, далеко не каждый студент оплачивает обучение в размере 100% (благодаря наличию различных схем финансовой поддержки и субсидирования).

Такая отечественная специфика делает особенно актуальным вопрос о границах возможностей домохозяйств при оплате обучения своих детей. Как было показано выше, ресурсный лимит – это ключевой барьер в ожиданиях семей относительно доступности высшего образования. Даже за наиболее качественный его вариант население готово платить меньше, чем оно сейчас стоит. По данным за 2021 г., в России затраты на год обучения в вузе составляют порядка 40% среднедушевого годового дохода [Малиновский, Шибанова, 2022b]. При этом выделять на обучение более 35% (актуальная относительная стоимость коммерческого высшего образования на текущий момент) согласна только каждая

Рис. 8. Максимальная часть годового дохода семьи, которую родители готовы тратить на получение ребенком высшего образования наиболее высокого качества
(в процентах от численности ответивших родителей)

❓ Какую максимальную часть годового дохода Вашей семьи Вы были бы готовы тратить для получения Вашим ребенком высшего образования наиболее высокого качества (в престижном вузе)?

Источник: НИУ ВШЭ, обследование домохозяйств в рамках Мониторинга экономики образования, 2021/2022 уч. г.

четвертая семья (рис. 8). Почти половина опрошенных заявляют о готовности тратить до 30% годового дохода домохозяйства, что в среднем ниже стоимости коммерческого обучения даже в не самых престижных вузах.

Готовность направлять существенную часть семейного дохода на оплату образования наиболее высокого качества снижается по мере роста образовательного уровня домохозяйств. Например, родители, которые не имеют третичного образования, почти в 2 раза чаще готовы тратить более 30% семейного дохода, чем родители с дипломом магистра (рис. 9).

Обратная тенденция наблюдается в распределении ответов на вопрос о готовности платить за качественное образование в разрезе материального положения. Чем ниже доход семьи, тем более она склонна ожидать бюджетного места или возможности недорогого обучения в престижном университете. Из числа наиболее обеспеченных домохозяйств выделять свыше 30% годового дохода за получение диплома вуза готова почти половина¹⁰.

Целевое кредитование – один из инструментов, способствующих расширению доступности

высшего образования, распространенный по меньшей мере в 70 странах мира [Salmi, D'Addio, 2020]. Он позволяет – особенно в вариантах, согласующих размер и условия кредита с финансовым положением студента (income-contingent loans), – оплачивать дорогостоящее обучение детей из малообеспеченных семей, которые иначе практически не имели бы на него шанса. В России развитие образовательного кредитования может рассматриваться как способ снижения барьеров доступности обучения в вузе.

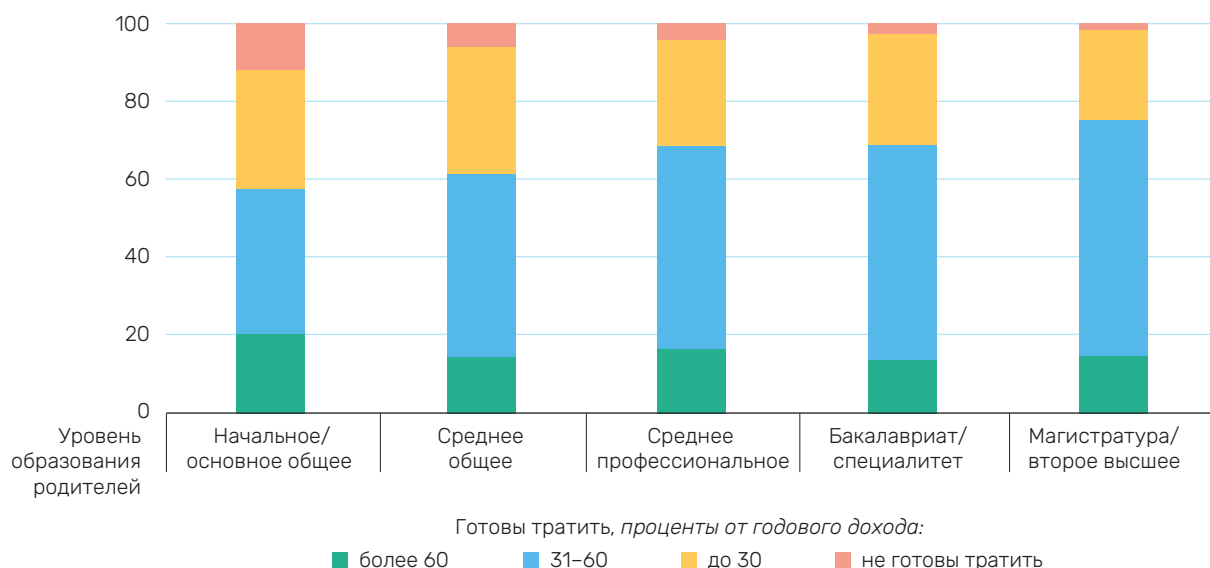
Использование заемных средств востребовано у наименее финансово устойчивых домохозяйств. Более 40% из них считают кредит потенциальным источником оплаты обучения на коммерческой основе (рис. 10); другая распространенная опция среди этой категории населения – заем у знакомых.

Примечательно, что респонденты с невысоким уровнем дохода скорее склонны прибегать к обычному банковскому заему или брать в долг у знакомых. Обеспеченные семьи в значительно большей степени рассчитывают на личные средства, но если рассматривают

¹⁰ По данным Мониторинга экономики образования, 2021/2022 уч. г.

Рис. 9. Максимальная часть годового дохода семьи, которую родители готовы тратить на получение ребенком высшего образования по уровню образования родителей
(в процентах от численности ответивших родителей)

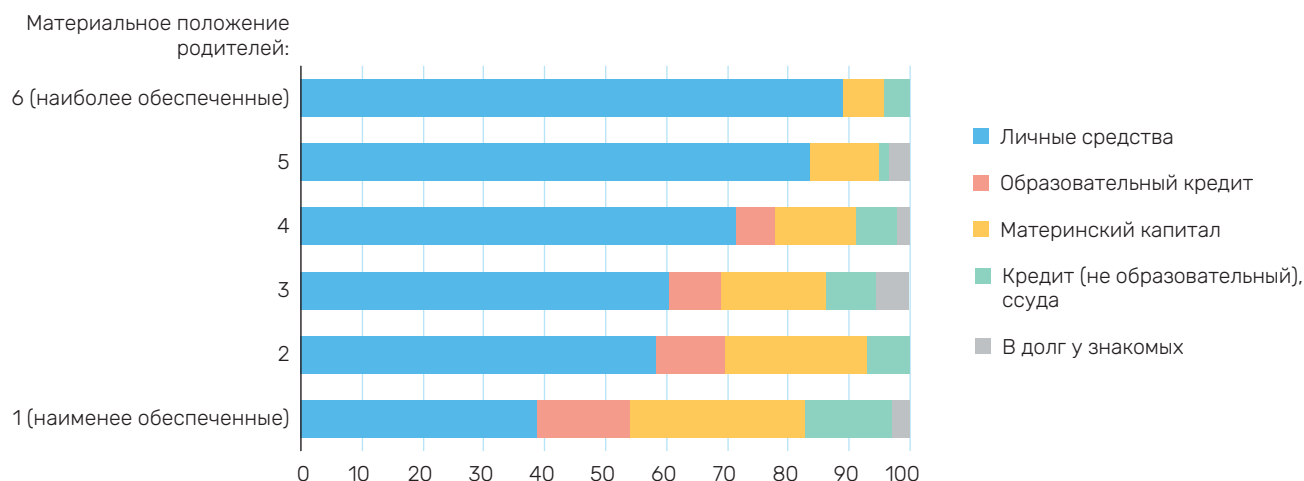
❓ Какую максимальную часть годового дохода Вашей семьи Вы были бы готовы тратить для получения Вашим ребенком высшего образования?

Источник: НИУ ВШЭ, обследование домохозяйств в рамках Мониторинга экономики образования, 2021/2022 уч. г.

Рис. 10. Планируемые источники оплаты обучения в вузе по материальному положению родителей
(в процентах от численности ответивших родителей)

❓ Если ребенок будет обучаться платно, каким образом Вы планируете платить за его (ее) обучение? (отметьте все подходящие варианты)*

Источник: НИУ ВШЭ, обследование домохозяйств в рамках Мониторинга экономики образования, 2021/2022 уч. г.

* Вопрос задавался только родителям детей, обучающимся в школе, планирующим подавать документы только на платные места в вузах. Варианты ответов «Обратимся в банк за другим кредитом» и «Возьмем долгосрочную ссуду на предприятии (фирме), где работают члены семьи» на графике были объединены в категорию «Кредит (не образовательный), ссуда». Варианты ответов «Оплатим из семейных или личных сбережений, доходов» и «Продадим дачу, машину, квартиру или другие ценные вещи или недвижимость» были объединены в категорию «Личные средства».

возможность заемных ресурсов, то планируют прибегать к образовательному кредитованию.

В целом, можно отметить несколько причин, сдерживающих распространение такого заема в России как инструмента расширения доступности образовательных возможностей. Во-первых, ограниченный уровень доверия целевой группы к формальным кредитным институтам и склонность больше рассчитывать на социальные связи. Данные, представленные на рис. 10, согласуются с другими всероссийскими обследованиями, которые показали, что для оплаты образования россияне предпочитают брать в долг у друзей и родных, а не у банков [ВЦИОМ, 2020]. Во-вторых, неготовность населения к финансовому планированию в долгосрочной перспективе и рассмотрение кредита не как инвестиционного решения, а скорее как длительного обременения. Перспектива жить в долг – наиболее часто называемое обоснование отказа от образовательного кредита семьями, чьи дети обучаются в вузе платно (30% опрошенных)¹¹. Наконец, низкий уровень информированности о возможностях кредитования: представители каждого четвертого домохозяйства, оплачивающего обучение ребенка на коммерческой основе, заявили, что просто не знали о существовании образовательного заема [ВЦИОМ, 2020].

В настоящий момент образовательным кредитованием охвачено менее 1% студентов вузов, что существенно отличает Россию от других государств с сопоставимо высокой относительной стоимостью коммерческого обучения. Например, в Великобритании 94% студентов обучаются благодаря использованию образовательного кредита, в Австралии – 81%, в США – 63% [ВЦИОМ, 2020].

2.4. Территориальные барьеры

Достижение массового уровня охвата высшим образованием в России не было следствием синхронного расширения обеспеченности местами в вузах во всех субъектах страны. Основным драйвером экспансии стали регионы-магниты и большие города, что в настоящий момент налагает значительный отпечаток

Относительная стоимость обучения в России находится на одном уровне с англосаксонскими странами, где образование преимущественно платное (для сравнения, в скандинавских странах оно преимущественно бесплатное). Например, средний размер оплаты обучения в вузе относительно среднего дохода для Великобритании составляет 56%, для Канады – 41%, для США – 31%. Надо учесть, что при такой высокой относительной стоимости существенная доля студентов в этих странах (52% – в Великобритании, 79% – в США) получают грантовую или стипендиальную поддержку. Ее средний размер значителен и составляет 10–25% среднедушевого дохода населения (вдобавок к масштабному охвату образовательным кредитованием) [Malinovskiy, Shibanova, 2022]. Стипендиальная поддержка в России не дотягивает до этих показателей ни по охвату, ни по размеру относительно доходов населения. Более того, она как раз не предусмотрена для студентов на программах с возмещением стоимости обучения.

Несмотря на доминирующие патерналистские настроения в обществе и представление о всеохватном государстве всеобщего благосостояния, только порядка 13% домохозяйств заявили, что в принципе не рассматривают возможность платить за вузовское образование максимального качества¹². Эти данные согласуются с тезисом о формировании в России модели общественного устройства, при которой население ожидает предоставления социальных услуг массового охвата, включая образование, пусть и базовых, но бесплатных, однако готово вкладывать семейные ресурсы в обмен на более высокое качество [Malinovskiy, Shibanova, 2021].

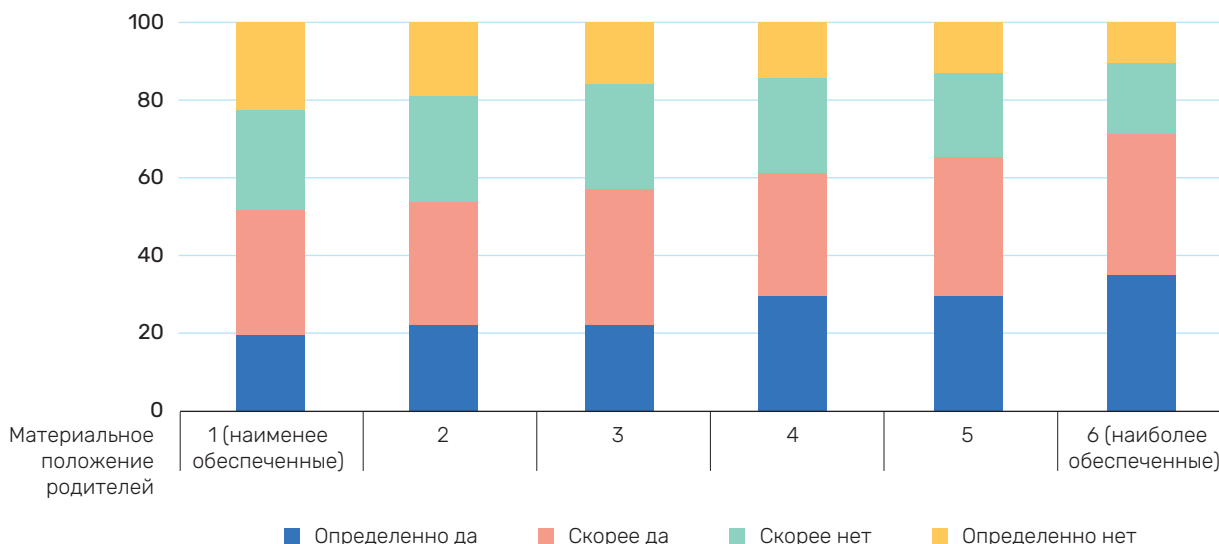
на формирование территориально обусловленных факторов доступности образовательных возможностей. Выбор траекторий обучения после школы, попадание в топовые университеты или на престижные программы предопределены региональным контекстом и различиями между жителями городов и сельской местности.

¹¹ По данным Мониторинга экономики образования, 2021/2022 уч. г.

¹² По данным Мониторинга экономики образования, 2021/2022 уч. г.

Рис. 11. Готовность родителей отправить детей в другой регион для получения высшего образования по материальному положению родителей
(в процентах от численности ответивших родителей)

❓ Были бы Вы готовы для получения более качественного образования Вашими детьми отправить их учиться в другой регион?

Источник: НИУ ВШЭ, обследование домохозяйств в рамках Мониторинга экономики образования, 2021/2022 уч. г.

Готовность переезжать в другой населенный пункт для получения образования имеет социальную подоплеку. Чем благополучнее в материальном отношении семья, тем в большей степени она готова рассматривать вероятность образовательной миграции своих детей (рис. 11). Это неудивительно, так как переезд требует дополнительных затрат, лучшей информированности родителей о возможностях, которые предоставляют вузы других регионов, и в целом готовности к выбору более рискованных траекторий обучения.

В трети российских субъектов в принципе нет высокоселективных университетов (со средним проходным баллом ЕГЭ более 70) [Малиновский, Шибанова, 2020]. То есть получение качественного образования, соответствующего уровню наиболее подготовленных абитуриентов, зачастую связано с необходимостью переезда. И многие академически успешные выпускники школ вынуждены обучаться в вузах родного региона, что не позволит раскрыть весь их потенциал [Малиновский, Шибанова, 2022b].

В этом контексте, применительно к опциям выравнивания образовательных возможностей, важной является дискуссия о дистанционном формате образования. Установлено, в том числе исходя из отечественного опыта, что онлайн-занятия могут быть не менее эффективными, чем проводимые офлайн [Chirikov et al., 2020]. Однако у населения сохраняется недоверие ко всем нетрадиционным вариантам обучения. Только 15% опрошенных российских домохозяйств относятся хоть в какой-то степени положительно к возможности получить высшее образование удаленно (рис. 12).

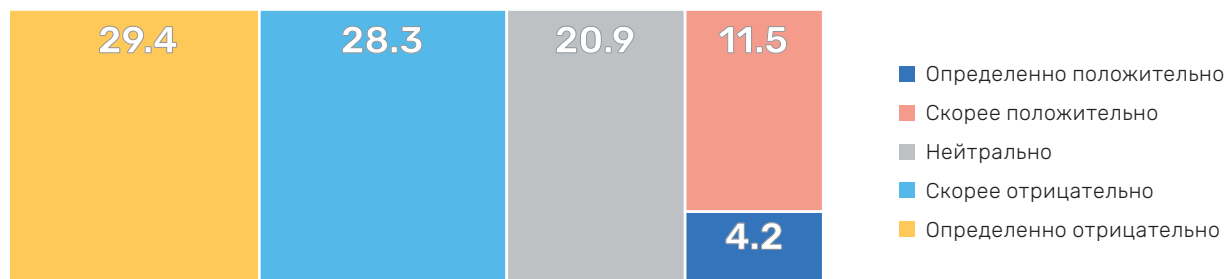
При этом не наблюдается значительной социальной детерминированности отношения к онлайн-формату применительно к вузам. Образованные группы населения в целом оценивают его более скептически, однако существенных различий в разрезе материального положения или образовательного уровня семей не выявлено¹³.

Во время пандемии часть домохозяйств переориентировались на вузы в регионе

¹³ По данным Мониторинга экономики образования, 2021/2022 уч. г.

Рис. 12. Отношение родителей к дистанционному обучению в вузах
(в процентах от численности ответивших родителей)

❓ Как Вы относитесь к использованию дистанционных форматов обучения в вузах?

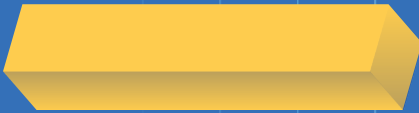

Источник: НИУ ВШЭ, обследование домохозяйств в рамках Мониторинга экономики образования, 2021/2022 уч. г.

проживания, отказавшись от планов миграции детей в регионы с сильными университетами с целью обучения. В числе причин – риски перехода на онлайн-образование, которое рассматривается как менее качественное. Стоимость обучения в гибридном или дистанционном форматах родители считают неадекватной результату и скорее не готовы

к подобному инвестированию. По мнению семей, качество уступает традиционному офлайн-варианту, потому что студент меньше контактирует с преподавателями и требуется большая самодисциплина. Также у детей уменьшаются возможности включения в студенческое сообщество, социализации и перехода к самостоятельной жизни¹⁴.

¹⁴ По данным исследования «Готовность к переменам», проведенного в рамках проекта НИУ ВШЭ «Анализ рисков социальной напряженности и предложения по мерам политики, направленным на повышение социальной устойчивости» (2020), результаты дискуссий в фокус-группах. <https://isp.hse.ru/projects> (дата обращения: 17.02.2023).

3. Социальная дифференциация образовательных траекторий

В России трекинг, то есть выбор определенной траектории обучения (распределение обучающихся по образовательным организациям и программам различного типа), начинается после окончания основной школы. Сравнительная жесткость этого процесса в России вызвана, во-первых, довольно ранним началом разделения (позднее, чем в немецко-говорящих странах, но раньше, чем в англо-саксонских и скандинавских) [Malinowski, Shibanova, 2022]. Во-вторых, хорошо заметны различия с точки зрения социальной принадлежности и академических достижений

обучающихся. В-третьих, несмотря на то, что переходы между образовательными траекториями не запрещены законодательно, фактически они совершаются довольно редко.

С окончанием 9 класса формируется дифференциация доступности высшего образования, его разных уровней и разного качества. Семьи с более высоким общественным статусом выбирают для своих детей обучение в старшей школе, за которой следуют бакалавриат в престижном университете и магистратура. Далее рассмотрим действие социальных факторов в ключевых точках образовательных переходов.

3.1. Образовательный выбор после основной школы

Переход после основной школы становится ключевой точкой траекторного выбора, который во многом определяет дальнейшие возможности поступления в вуз. С точки зрения доступности высшего образования, действия, которые предпринимают семья и ученик по окончании 9 класса, даже более важны, чем совершаемые после 11 класса, когда социальная композиция обучающихся уже отфильтрована и достаточно однородна.

Путь от академической траектории старшей школы к профессиональной траектории во многом определяется материальным и культурным капиталом семей, разным уровнем информированности и карьерных притязаний. К тому же выбор опосредован институциональными характеристиками образовательного пространства. Например, школы в России значительно различаются с точки зрения социального благополучия. Наиболее благополучные часто являются лицеями и гимназиями, которые реализуют программы продвинутого уровня и обеспечивают качественную подготовку, необходимую

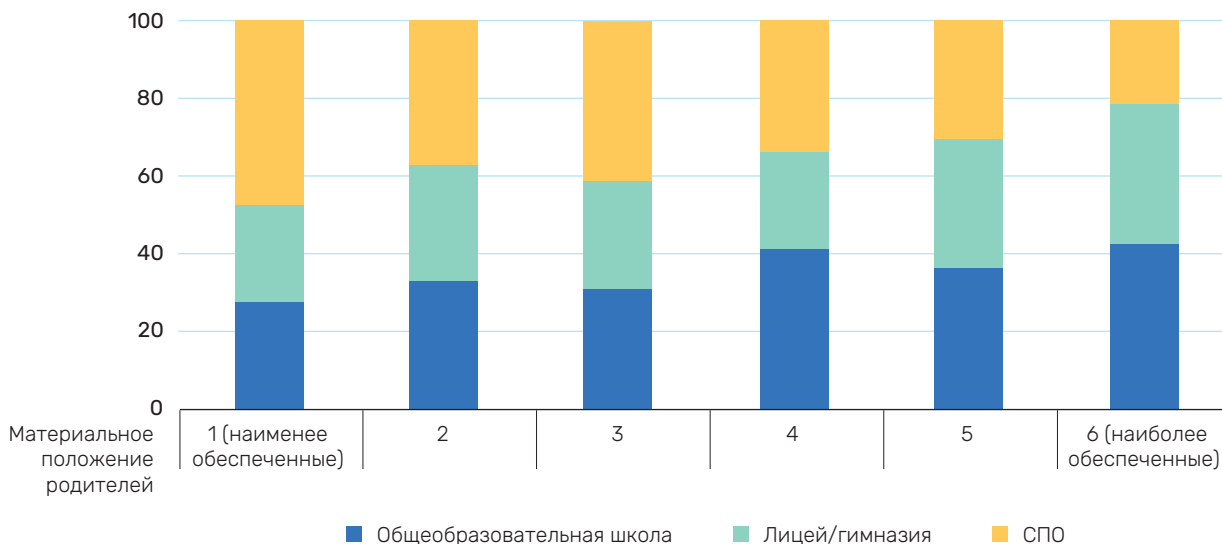
для поступления в вузы. Независимо от способностей обучающегося и статуса его семьи, менее удачная социально-экономическая композиция контингента в школе приводит к ощутимому снижению академических достижений [Керша, 2020]. Благоприятная же композиция положительно коррелирует с продолжением обучения в 10–11 классах, получением диплома бакалавра и поступлением в магистратуру [Керша, 2021].

Рис. 13 показывает, что благоприятное материальное положение домохозяйств способствует вступлению на академическую траекторию старшей школы. Кроме того, группы населения с более высоким уровнем материального достатка чаще планируют отдавать своих детей на программы повышенного уровня именно в лицеи и гимназии.

Выбор в пользу высшего образования заметно чаще делают обеспеченные семьи. По сравнению с группами населения с невысоким достатком, самые богатые домохозяйства в 2 раза чаще выбирают для своих детей академический трек (рис. 13), который

Рис. 13. Планируемые образовательные траектории школьников после окончания 9 класса по материальному положению родителей
(в процентах от численности ответивших родителей)

❓ Что, скорее всего, будет делать Ваш ребенок после окончания 9 класса?*

Источник: НИУ ВШЭ, обследование домохозяйств в рамках Мониторинга экономики образования, 2021/2022 уч. г.

* Вопрос задавался только родителям детей, обучающихся в школе. Варианты ответов «Продолжит обучение в 10 классе в своей школе, не являющейся лицеем, гимназией», «Продолжит обучение в 10 классе в другой школе, не являющейся лицеем, гимназией» на графике были объединены в категорию «Общеобразовательная школа». Варианты ответов «Продолжит обучение в 10 классе в своем лицее, гимназии» и «Пойдет в лицей, гимназию» были объединены в категорию «Лицей/гимназия». В связи с незначительной долей ответов на графике не представлены следующие варианты: «Не собирается продолжать обучение, пойдет работать», «Ни работать, ни учиться», «Пойдет в вечернюю школу».

в дальнейшем в большинстве случаев связан с получением диплома университета.

Уровень успеваемости, достаточный для поступления в вуз, во многом определяется наличием у родителей образовательных ресурсов. Зачастую дети с невысокими академическими результатами – из слабо обеспеченных или неполных семей, в которых возможности подготовиться к траектории 10–11 классов и высшего учебного заведения ограничены. Причем такие обучающиеся часто «выталкиваются» из старшей школы учителями и администрацией. Таким образом, хотя подавляющее большинство семей желают для своих детей получения высшего образования, многие вынуждены делать выбор в пользу карьерных альтернатив, прежде всего посредством обучения по программам СПО.

Наличие у родителей диплома вуза имеет еще большее значение для дифференциации траекторий после основной школы. Этот фактор во многом и определяет различия в продолжении обучения даже при одинаковых

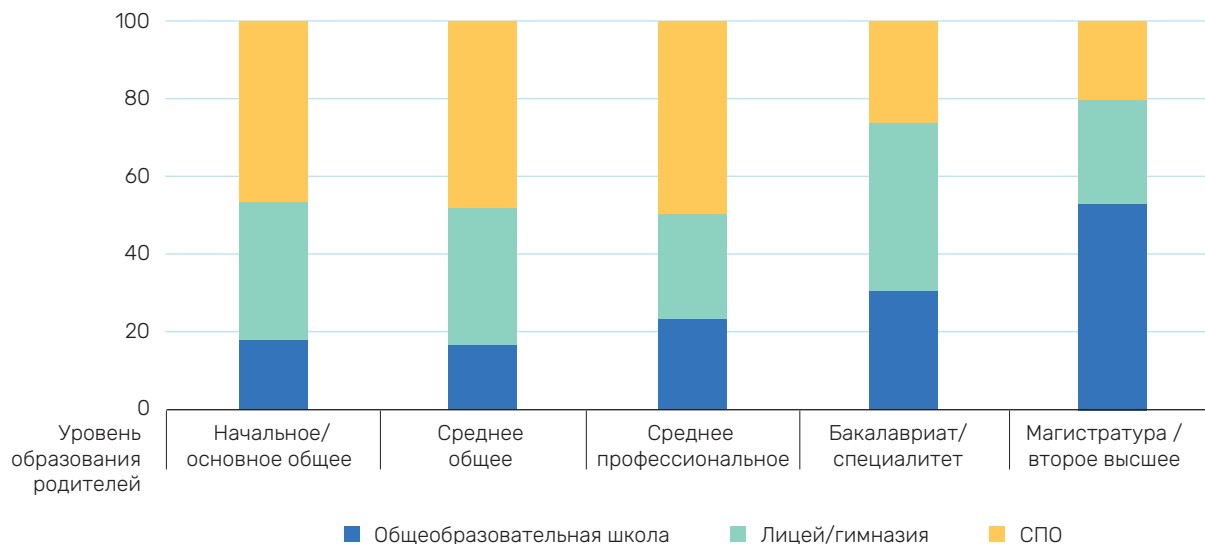
образовательных достижениях. В семьях, где родители не имеют диплома вуза, планы на профессиональную и академическую траектории представлены примерно в равной степени. А родители, окончившие университет, рассматривают возможность поступления детей на программы СПО намного реже (рис. 14).

Таким образом, несмотря на отсутствие дефицита мест в старшей школе и формальных ограничений на выбор академической траектории, многие домохозяйства с невысоким социально-экономическим статусом отдают предпочтение менее престижным и выгодным траекториям (даже при наличии достаточных знаний результатов). Для семей с высоким образовательным уровнем родителей академическая траектория после 9 класса и дальнейший переход в вуз даже не являются предметом выбора. Это заведомо известное безальтернативное решение [Minina et al., 2020].

У СПО уровень экономической отдачи заметно ниже. В обществе оно ценится гораздо

Рис. 14 . Планируемые образовательные траектории школьников после окончания 9 класса по уровню образования родителей
(в процентах от численности ответивших родителей)

❓ Что, скорее всего, будет делать Ваш ребенок после окончания 9 класса?*

Источник: НИУ ВШЭ, обследование домохозяйств в рамках Мониторинга экономики образования, 2021/2022 уч. г.

* Вопрос задавался только родителям детей, обучающихся в школе. Варианты ответов «Продолжит обучение в 10 классе в своей школе, не являющейся лицеем, гимназией» и «Продолжит обучение в 10 классе в другой школе, не являющейся лицеем, гимназией» на графике были объединены в категорию «Общеобразовательная школа». Варианты ответов «Продолжит обучение в 10 классе в своем лицее, гимназии» и «Пойдет в лицей, гимназию» были объединены в категорию «Лицей/гимназия». в связи с незначительной долей ответов на графике не представлены следующие варианты: «Не собирается продолжать обучение, пойдет работать», «Ни работать, ни учиться», «Пойдет в вечернюю школу»

меньше, чем диплом вуза. Однако есть и ряд преимуществ, привлекательных для тех образованных и материально обеспеченных семей, которые склонны придавать высшему образованию не столь большое значение, а также выбирать предсказуемые траектории со значительной вероятностью поступления [Hillmert, Jacob, 2010].

Рис. 15 хорошо иллюстрирует социально обусловленные различия в представлениях о дальнейших действиях по окончании колледжа. Большинство родители с высшим образованием (75%) считают, что их дети после завершения программы СПО поступят в вуз. То есть для них, скорее всего, профессиональное обучение выступает в качестве упрощенной, обходной стратегии попадания в университет. Для некоторых семей высокого социального положения подобный транзитный путь может объясняться задачей подстраховать своих детей в селективной борьбе за места в вузах [Yastrebov et al., 2018]. И наоборот, семьи с меньшим культурным

капиталом чаще считают, что их дети после получения СПО пойдут работать, то есть колледж скорее выступает в качестве инструмента ускоренного транзита на рынок труда и, говоря шире, во взрослую самостоятельную жизнь [Minina et. al., 2020]. При этом хорошо заметно: чем выше образовательный уровень семьи, тем чаще предпочтение отдается именно очному обучению в вузе как престижной, выгодной образовательной траектории после получения СПО.

В чем проблематичность такой ситуации? При высокой обеспеченности вузов бюджетными местами их занимают дети благополучных в материальном плане родителей, которые могли бы позволить себе обучение на коммерческой основе. Доступность высшего образования фактически формируется выбором траектории после основной школы. На этом этапе из борьбы за бесплатные места зачастую исключаются дети менее обеспеченных родителей, в том числе и те, кто по качеству знаний способен составить конкуренцию. Такие

Рис. 15. Планируемые образовательные траектории студентов СПО по уровню образования родителей
(в процентах от численности ответивших родителей)

❓ Чем будет заниматься Ваш ребенок после окончания обучения по программе СПО?*

Источник: НИУ ВШЭ, обследование домохозяйств в рамках Мониторинга экономики образования, 2021/2022 уч. г.

* Вопрос задавался только родителям детей, обучающихся по программе СПО.

семьи решают ограничить свои притязания более низкими уровнем, что определяет заметно меньшую вероятность получения их детьми

диплома вуза в принципе и сводит к минимальной доступность качественного высшего образования.

3.2. Образовательный выбор после старшей школы

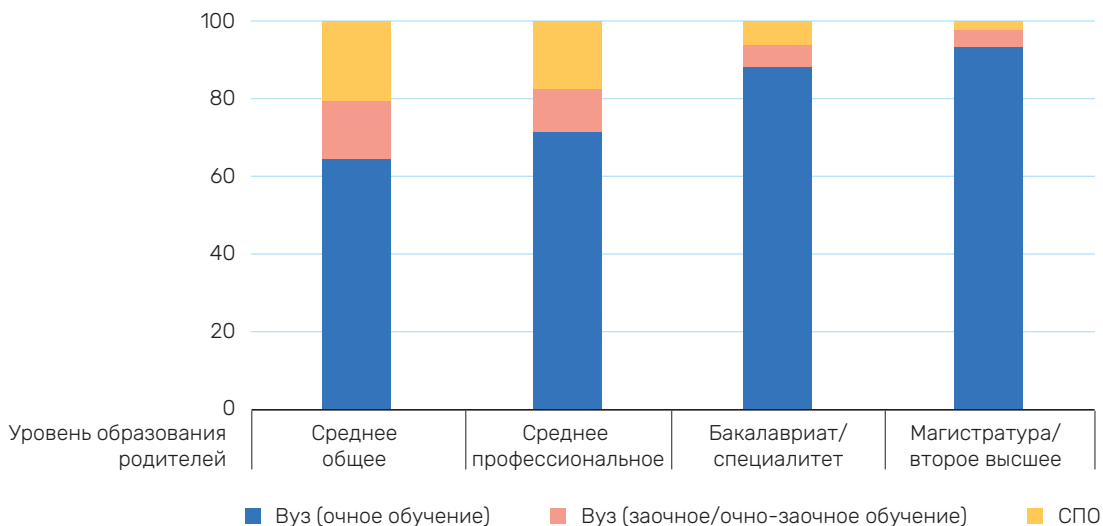
Сегодня в 10 класс переходят примерно половина выпускников основной школы. Этот показатель снижался последние тридцать лет. Все это время число мест в вузах увеличивалось, однако за последнее десятилетие охват релевантной когорты населения в относительном исчислении стабилизировался. При росте селективности перехода в старшую школу, средний уровень селективности приема в вузы оставался стабильным и сравнительно невысоким. Другими словами, подавляющее большинство окончивших старшую школу поступают в университеты. Это означает, что для старшеклассников и их родителей наиболее актуальным предметом конкуренции становятся не столько места в вузах, сколько разное качество высшего образования. В данном контексте будут рассмотрены следующие аспекты: выбор очной или заочной формы обучения, вуза

(исходя из его престижности) и направления подготовки.

Рис. 16 демонстрирует взгляд родителей на траекторные перспективы после окончания 11 класса. В среднем более 80% семей планируют, что их дети поступят в вуз, однако этот выбор имеет отличия в зависимости от социальной группы. Если 20% родителей без высшего образования рассматривают возможность продолжения обучения по программам СПО, то респонденты с дипломом вуза, особенно с двумя высшими или магистерской степенью, редко считают такую альтернативу приемлемой. Эти данные подтверждают предположение, что семьи сравнительно высокого социально-экономического положения используют СПО в качестве транзитной, обходной стратегии поступления в университет. Также заметно, что заочная

Рис. 16. Планируемые образовательные траектории старшекласников по уровню образования родителей
(в процентах от численности ответивших родителей)

❓ Что будет делать Ваш ребенок после окончания 11 класса?*

Источник: НИУ ВШЭ, обследование домохозяйств в рамках Мониторинга экономики образования, 2021/2022 уч. г.

* Вопрос задавался только родителям детей, обучающихся в школе. Варианты ответов «Поступит в вуз на очно-заочное обучение по программе высшего образования (бакалавриат/специалитет)» и «Поступит в вуз на заочное обучение по программе высшего образования (бакалавриат/специалитет)» объединены в категорию «Вуз (заочное/очно-заочное обучение)». В связи с незначительной долей ответов на графике не представлены следующие варианты: «Не будет продолжать обучение, пойдет работать», «Пойдет в армию».

форма обучения – ожидаемый выбор примерно для 15% семей, в которых у родителей нет высшего образования, в то время как родители, имеющие диплом вуза, очень редко рассматривают подобную возможность для своих детей.

Заочный сегмент традиционно считается сферой менее селективного приема, более низкого качества обучения и даже псевдообразования. С другой стороны, он играл (и продолжает играть) роль недорогого социального лифта для школьников, которые не могут претендовать на бюджетное место в вузе по материальным соображениям, культурным детерминантам выбора или из-за низкой успеваемости. Заочный формат характеризуется большей финансовой доступностью, возможностью удаленного обучения, совмещения с работой, лучшей представленностью в малых городах. Неслучайно на такое образование предъявляют спрос семьи с меньшим культурным капиталом и с дефицитом ресурсов для подготовки к поступлению в вуз, а также выпускники СПО и лица, заинтересованные в ускоренном транзите на рынок труда [Черденченко, 2020]. В целом, как было сказано, возможность обучаться заочно в России

сократилась. В контексте борьбы с низким качеством высшего образования и консолидации вузовской сети именно предложение удаленного формата пострадало в первую очередь. Выбор между очным и заочным обучением продолжает играть заметную роль в общественной стратификации образовательных возможностей.

Предметом социально обусловленной дифференциации остаются качество и престиж высшего образования. Семьи с высоким социально-экономическим статусом получают доступ к лучшему качеству обучения за счет использования дополнительных образовательных ресурсов. Почти две трети студентов ведущих высокоселективных университетов – представители семей, находящихся в двух верхних квинтилях доходного распределения [Малиновский, Шибанова, 2022a].

Из ответов на вопрос о наиболее привлекательных образовательных траекториях видно, что родители, имеющие высшее образование (и тем более магистерскую степень) в большинстве случаев нацелены на поступление своих детей именно в престижный вуз. В группе домохозяйств, где у опрошенных нет высшего

образования, притязания на диплом ведущих университетов встречаются почти в 2 раза реже (рис. 17). Чем ниже уровень образования в семье, тем чаще наиболее привлекательной называется траектория получения СПО и трудоустройства без дальнейшего повышения образовательного уровня.

Обострение различий в образовательных возможностях отмечается практически во всех странах, где происходила быстрая экспансия высшего образования. Стратификация доступности дипломов университетов разного качества и разной престижности следует из вертикальной структуры вузовского ландшафта, для которой характерно усиление различий между элитарными ресурсообеспеченными университетами и вузами массового спроса [Teichler, 2008]. Увеличение числа мест приводит к тому, что семьи с высоким статусом ищут возможности закрепления своего социального положения через получение более престижного и качественного высшего образования в рамках формально одинакового уровня обучения [Lucas, 2001].

Как показано выше, относительные преимущества могут быть получены не только в результате зачисления в престижные университеты, но и благодаря доступности более выгодных направлений подготовки. Если посмотреть на планы по поступлению на тот и иной профиль программы (рис. 18), можно заметить, что родители с высшим образованием несколько чаще выбирают для своих детей ИТ и науки об управлении (направления «Экономика» и «Менеджмент»), нежели родители без высшего образования. На этапе планирования, как видно из диаграммы, показатели отличаются незначительно. Однако, когда студенты делают фактический выбор программы и оказываются в вузе, разница увеличивается. Представители обеспеченных семей чаще обращают внимание на карьерные перспективы и обучаются по востребованным на рынке труда специальностям, а дети менее состоятельных родителей связывают выбор направления с большей вероятностью получить диплом вуза [Кузьмина, 2013].

Рис. 17. Наиболее привлекательные (из приемлемых) образовательные траектории детей по уровню образования родителей
(в процентах от численности ответивших родителей)

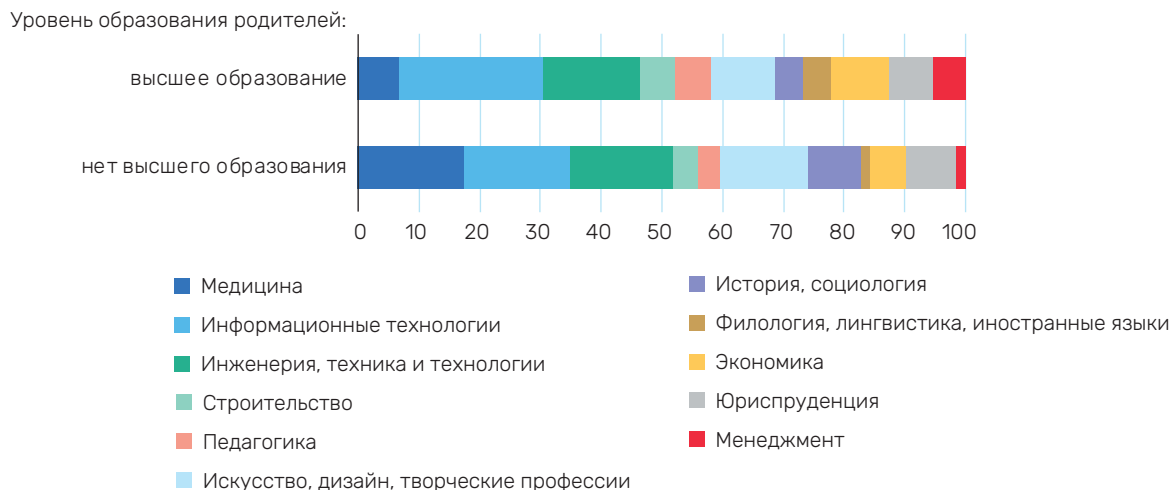
❓ Из приемлемых для Вас вариантов выберите те, которые Вы считаете наиболее привлекательными для Вашего ребенка / Ваших детей.

Источник: НИУ ВШЭ, обследование домохозяйств в рамках Мониторинга экономики образования, 2021/2022 уч. г.

Рис. 18. Планируемые направления обучения детей в вузе по уровню образования родителей
(в процентах от численности ответивших родителей)

❓ Укажите, пожалуйста, к какой области принадлежит выбранная специальность?*

Источник: НИУ ВШЭ, обследование домохозяйств в рамках Мониторинга экономики образования, 2021/2022 уч. г.

* Вопрос задавался только родителям школьников, которые указали, что их ребенок точно знает, по какой специальности будет обучаться в вузе.

3.3. Доступность постбакалаврского высшего образования

На протяжении последних двадцати лет Россия реализовывала принципы Болонской системы. Магистратура – обеспеченный платежеспособным спросом уровень высшего образования. В последние годы государство активно расширяло количество бюджетных мест на программах магистратуры. Более половины магистров обучались за счет бюджета. В стратегических проектах государственной политики было последовательно поддержано расширение магистратуры. Она превратилась в полноценный уровень образования и, как показано выше, у населения, особенно у наиболее образованных и обеспеченных слоев общества, сформировался на нее спрос.

Как свидетельствуют данные опросов, 33% родителей студентов считают, что их ребенок продолжит обучение в магистратуре. Однако в реальности сразу поступить в нее сможет заметно меньшая доля: ежегодно после окончания бакалавриата или специалитета продолжают обучение порядка 17% [Индикаторы образования, 2022].

Желательность транзита в магистратуру после окончания первой ступени высшего образования не является одинаковой: чем выше

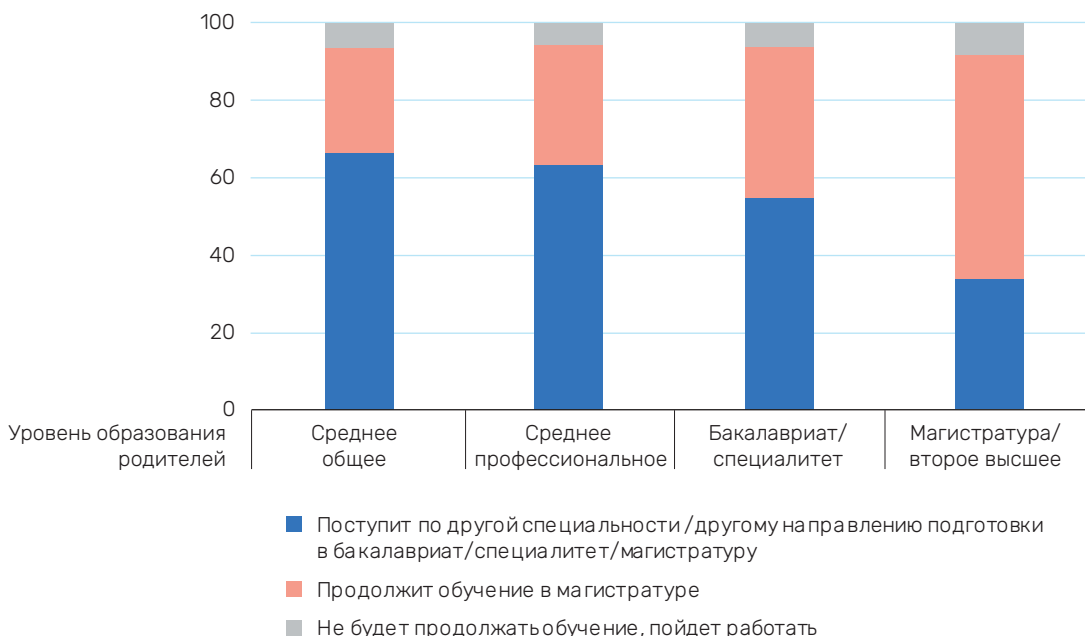
культурный уровень семьи, тем более распространены такие планы (рис. 19). Респонденты с высшим образованием чаще полагают, что их дети продолжат обучение после бакалавриата или специалитета. Особенно это касается родителей, которые сами получили магистерскую степень: почти 70% думают, что их дети будут дальше учиться в магистратуре или по другой программе в бакалавриате. И наоборот, большинство родителей без высшего образования считают, что их дети после бакалавриата или специалитета пойдут работать.

Дифференциация наблюдается не только на стадии планирования. Актуальное распределение контингента обучающихся в магистратуре показывает, что доступность этой ступени во многом определяется социальным положением. Также она обусловлена консолидацией предложения магистерских программ в ведущих университетах в больших городах [Малиновский, Шибанова, 2022b]. Поэтому чаще всего для детей из менее обеспеченных семей и жителей малых городов достижение этого уровня означает образовательную миграцию.

Кроме того, известно, что обучающиеся из менее образованных семей склонны к более

Рис. 19. Планируемые постбакалаврские образовательные траектории детей по уровню образования родителей
(в процентах от численности ответивших родителей)

❓ Чем будет заниматься Ваш ребенок по окончании обучения?*

Источник: НИУ ВШЭ, обследование домохозяйств в рамках Мониторинга экономики образования, 2021/2022 уч. г.

* Вопрос задавался только родителям детей, обучающихся в вузе. В связи с незначительной долей ответов на графике не представлен вариант «Ни работать, ни учиться».

раннему выходу на рынок труда, в то время как магистратура требует вложения в долгосрочной перспективе. Как обозначено выше, далеко не все домохозяйства готовы идти на дополнительные траты, чтобы финансировать отложенный старт карьеры.

В целом получение диплома магистра во многих странах – социально обусловленная привилегия, и Россия – не исключение. По мере того, как высшее образование – бакалавриат – становится массовым, его отнесенная ценность и позиционная сила сокращаются. Поэтому, как и в случае с более

престижными вузами или специальностями, магистратура позволяет группам населения с высоким социальным статусом закреплять свое привилегированное положение в социальной иерархии. Получение магистерской степени – не только вопрос общественного статуса, но и имеет экономическую целесообразность. Зарплатная отдача за год обучения в магистратуре уступает году в бакалавриате, но все же положительная и заметная. При наличии степени магистра женщины получают больше на 5–21%, а мужчины – на 2–11%, чем при наличии диплома бакалавра [Рожкова и др., 2021].

Заключение

Работа посвящена анализу факторов дифференциации доступности высшего образования. В этом контексте авторов интересовали, во-первых, планы семей по дальнейшему обучению выпускников школ; во-вторых, восприятие барьеров получения диплома вуза; в-третьих, социально обусловленные различия в планируемых образовательных траекториях в ключевых точках переходов (после окончания 9, 11 классов и бакалавриата/специалитета). В фокусе внимания – образовательный уровень и материальное положение семей как наиболее значимые факторы дифференциации образовательных возможностей. Ниже приведены полученные выводы.

Даже страны с массовым охватом высшим образованием не застрахованы от негативных эффектов, рисков образовательной экспансии. Увеличение числа мест в вузах может привести не к сокращению, а к увеличению разрыва между семьями с высоким и низким социально-экономическим статусом.

Россия – мировой лидер по участию населения в третичном образовании. Продолжается расширение приема на программы СПО, однако по показателям охвата высшим образованием наше государство хоть и не относится к аутсайдерам, но уступает многим странам-лидерам. Более того, за последнее десятилетие произошли структурные изменения, которые могут способствовать закреплению социальной стратификации из-за различий в траекториях обучения детей после окончания основной школы.

Охват высшим образованием относительно релевантной когорты стабилизировался, образовательная экспансия в России завершилась. Из-за сокращения сегментов частных вузов и заочных программ, консолидации предложения высшего образования в ограниченном

числе регионов и университетов постепенно сократилось предложение мест для обучения по программам стартовых ступеней – бакалавриата и специалитета. Структурно-функциональная реорганизация сети укрепила вертикальную стратификацию вузовского ландшафта. Последняя взаимоусиливается региональными диспропорциями. На фоне сравнительно большого числа мест в вузах актуализируется проблема доступа к высшему образованию не только в количественном отношении, но и в качественном.

Население предъявляет практически универсальный запрос на диплом университета. В России высшее образование – и социальное право, и социальная норма. С одной стороны, еще со времен СССР укоренилось представление, что государство должно обеспечивать массовое и бесплатное высшее образование. С другой стороны, постсоветский переход к рыночной экономике сформировал массовый спрос на вузовский диплом по новым направлениям подготовки. Наконец, его наличие не только способствует повышению социального и профессионального статусов, но и имеет инструментальную ценность, с которой пока не могут конкурировать другие образовательные альтернативы.

В результате в настоящий момент почти 80% семей хотят, чтобы их дети получили именно диплом вуза. При этом социальный статус респондентов является фактором, обуславливающим различия в образовательных ожиданиях. Чем выше материальный достаток и образовательный уровень родителей, тем более безальтернативным становится ожидание получения их детьми высшего образования. Родители, окончившие университет, в подавляющем большинстве не рассматривают вариант ниже уровня бакалавриата применительно к своим

детям. Для семей среднего класса запрос на постбакалаврские возможности даже более характерен, чем притязания на уровне стартовых ступеней высшего образования.

По сравнению с семьями менее благополучного социально-экономического положения, образованные и богатые больше ценят высшее образование. Но вот причины, по которым диплом вуза важен, примерно одинаковы для всех. Это инструментальные ценности: получение хорошо оплачиваемой работы, возможность стать востребованным специалистом, добиться успеха и сделать карьеру.

Среди барьеров доступности доминируют финансовые ограничения – высокие затраты на обучение и нехватка бюджетных мест. Последними вузы стабильно обеспечены, однако усиление концентрации предложения высшего образования (что касается и количества мест, и доступности образования в высоко-селективных вузах) повышает значение этого барьера в восприятии населения. Стоимость коммерческого сегмента в вузах России в относительном выражении сопоставима со странами, в которых плата за высшее образование наиболее высока. При этом инструментов для поддержки обучения на платной основе явно недостаточно: охват кредитованием низкий, а стипендиальное обеспечение студентов коммерческого приема не предусмотрено.

Восприятие барьеров доступности высшего образования различается в зависимости от социального положения и культурного капитала семьи. Слишком высокие траты на обучение и недостаточное число бюджетных мест в первую очередь беспокоят менее состоятельные группы населения, тогда как для самых богатых семей распространенная проблема – недостаточный интерес детей к обучению.

Доступность качественного высшего образования связана с финансовыми ограничениями еще значительнее. Население ожидает от государства бюджетного и массового обучения в вузах, но готово доплачивать за качество. Однако даже за наиболее качественное высшее образование семьи в среднем готовы платить меньше его реальной стоимости (при этом менее образованные респонденты готовы платить сравнительно больше относительно своего дохода).

Намерение инвестировать в диплом вуза в России наталкивается одновременно

на ожидания бесплатности высшего образования, высокую стоимость коммерческого обучения и дефицит возможностей дифференцированной (частично субсидированной) оплаты. Образовательное кредитование может быть инструментом расширения возможностей в ключевых точках переходов. Но развитие этого института ограничивается неготовностью населения к долгосрочному финансовому планированию и низким уровнем информированности о перспективах такого вложения средств. Сегодня семьи, особенно менее обеспеченные и образованные, склоны брать в долг скорее у знакомых, нежели у банков.

Доступность высшего образования во многом обусловлена местом проживания семьи и в плане согласия на переезд в другой город имеет социальную подоплеку. Чем выше материальное положение родителей, тем с большим энтузиазмом они относятся к образовательной миграции детей. Во многих странах одним из механизмов борьбы с территориальными диспропорциями доступности считается дистанционное обучение. В российском контексте эффективность удаленного формата обучения зависит от укрепления доверия к нему со стороны населения, степень которого пока нельзя назвать высокой.

В период окончания основной школы формируется дифференциация возможностей получить высшее образование разного качества. В каждой траекторной точке возникают социально обусловленные различия, и более образованные и обеспеченные семьи находят конкурентные преимущества для своих детей.

Материальное положение и культурный капитал родителей положительно коррелируют с планами поступления на академическую траекторию старшей школы и особенно с возможностью обучения в лицеях и гимназиях. При схожих образовательных достижениях, отсутствии дефицита мест в 10–11 классах и формальных ограничений на обучение в них, домохозяйства с более низким социально-экономическим статусом нередко выбирают менее престижные и выгодные траектории. Несмотря на всеобщую желательность диплома вуза, многие семьи вынуждены рассматривать варианты других образовательных возможностей. Выбор высшего образования заметно менее популярен среди менее обеспеченных и образованных семей. Часть родителей сравнительно

высокого социального положения решают вопрос поступления своих детей в вуз посредством выбора в пользу транзитной стратегии обучения в колледже.

Таким образом, попадание в старшую школу имеет решающее значение для обеспечения доступа к высшему образованию и преимущественно определяется социальным бэкграундом родителей. Неудивительно, что для старшеклассников возможность получения диплома университета приближается к универсальной, а на первый план в конкуренции абитуриентов выходит качество высшего образования.

Население страны все активнее формирует запрос на доступность высоких уровней вузовского образования, в первую очередь магистратуры. В России в среднем каждая третья семья нацелена на постбакалаврские траектории. Особенно заметно эта тенденция проявляется у представителей наиболее образованных и обеспеченных слоев общества.

С точки зрения образовательной политики, необходимо прежде всего снизить риски сокращения охвата населения высшим образованием (с учетом демографических тенденций) и найти финансовые ресурсы для удовлетворения массового спроса на вузовский диплом.

Не менее важно сгладить негативные эффекты трекинга. В первую очередь это касается социальной поляризации профессиональной и академической траекторий. Целесообразно информировать население о перспективах, в том числе зарплатных, обучения по программам разного вида, а также добиться более

тесной интеграции между СПО и университетским сектором третичного образования. Развитие индивидуализированного карьерного консультирования, расширение предложения распределенных (сетевых) образовательных программ, внедрение цифровых инструментов навигации карьерного выбора также следует рассматривать в качестве решений.

Государственная политика может быть целевым образом направлена на расширение возможностей получения качественного высшего образования представителями групп наибольшего риска (студентами в первом поколении, жителями сельских территорий и др.). Это достижимо посредством и перераспределения фондов материальной помощи, и включения показателей социальной инклюзии в оценку деятельности вузов.

Можно говорить о потенциале инвестирования в высшее образование со стороны семей. Так как финансовые барьеры – ключевые в восприятии населения, необходима государственная поддержка расширения коммерческого приема и частных вложений через гарантии, субсидии и льготное кредитование. Для вовлечения ресурсов домохозяйств следует ввести дифференцированную оплату обучения (а не только 100% стоимости) и задействовать более гибкие инструменты финансовой поддержки студентов. Наконец, принципиально важно, чтобы семьи обладали достоверной информацией, в какой мере окупятся их инвестиции в получение детьми более качественного высшего образования.

Список источников

ВЦИОМ (2020) Деньги на образование: где их взять? <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dengi-na-obrazovanie-gde-ikh-vzjat> (дата обращения: 14.10.2022).

Индикаторы образования: 2022: статистический сборник (2022) / Н. В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, О. А. Зорина и др. М.: НИУ ВШЭ.

Капелюшников Р. И. (2021) Отдача от образования в России: ниже некуда? // Вопросы экономики. Т. 8. С. 69–92.

Керша Ю. Д. (2021) С кем учиться, чтобы попасть в вуз: социально-экономическая композиция школы и неравенство доступа к высшему образованию // Вопросы образования. № 4. С. 187–219.

Керша Ю. Д. (2020) Социально-экономическая композиция школы как фактор воспроизводства неравенства в образовании // Вопросы образования. № 4. С. 85–112.

Константиновский Д. Л. (2018) Измерение неравенства в образовании // Россия реформирующаяся. № 16. С. 171–191.

Кузьмина Ю. В. (2013) Выбор специальности обучения: прямой и непрямой эффект семейных факторов // Высшее образование в России. № 10. С. 133–140.

Малиновский С. С., Шибанова Е. Ю. (2022а) Причины и факторы завершения экспансии высшего образования в России // Социологический журнал. № 3. С. 8–37.

Малиновский С. С., Шибанова Е. Ю. (2020) Региональная дифференциация доступности высшего образования в России. М.: НИУ ВШЭ.

Малиновский С. С., Шибанова Е. Ю. (2022b) Доступность высшего образования в России: как превратить экспансию в равенство // Современная аналитика образования. № 7 (67). М.: НИУ ВШЭ.

Мальцева В. А., Шабалин А. И. (2021) Не-обходной маневр, или Бум спроса на среднее профессиональное образование в России // Вопросы образования. № 2. С. 10–42.

Попов Д. С., Тюменева Ю. А., Кузьмина Ю. В. (2012) Современные образовательные траектории школьников и студентов // Социологические исследования. № 2. С. 135–142.

Рожкова К. В., Роцин С. Ю., Солнцев С. А., Травкин П. В. (2021) Отдача на магистерскую степень на российском рынке труда // Вопросы экономики. № 8. С. 69–92.

Фонд общественного мнения (2020) Всероссийский опрос граждан РФ старше 18 лет. <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14436> (дата обращения: 12.10.2022).

Чередниченко Г. А. (2020) Траектории заочников высшей школы в сфере образования и труда // Вопросы образования. № 3. С. 165–187.

- Чиркина Т. А., Гусейнова А. Г. (2021) Социальная дифференциация образовательных планов при поступлении в вузы: информационный бюллетень. М.: НИУ ВШЭ.
- Шибанова Е. Ю., Малиновский С. С., Тойлуг-оол М. М., Дудина А. И. (2021) Карьерные ожидания студентов российских вузов / Факты образования. № 2 (36). М.: НИУ ВШЭ.
- Boudon R. (1974) *Education, Opportunity, and Social Inequality: Changing Prospects in Western Society*. N.Y.: Wiley.
- Chirikov I., Semenova T., Maloshonok N., Bettinger E., Kizilcec R. F. (2020) Online Education Platforms Scale College STEM Instruction with Equivalent Learning Outcomes at Lower Cost // *Science Advances*. Vol. 6. Iss. 15.
- Gabdrakhmanov N., Leshukov O. (2021) Russian Higher Education and the Demographic Revolution // *International Higher Education*. Iss. 106. P. 27–28.
- Hillmert S., Jacob M. (2010) Selections and Social Selectivity on the Academic Track: A Life-Course Analysis of Educational Attainment in Germany // *Research in Social Stratification and Mobility*. Vol. 28. Iss. 1. P. 59–76.
- Lucas S. R. (2001) Effectively Maintained Inequality: Education Transitions, Track Mobility, and Social Background Effects // *American Journal of Sociology*. Vol. 106. Iss. 6. P. 1642–1690.
- Malinovskiy S., Shibanova E. (2022) Higher Education in Welfare Regimes: Three Worlds of Post-Soviet Transition // *Journal of European Social Policy*. P. 1–17. <https://doi.org/10.1177/09589287221101344>.
- Melanova E. et al. (2021) Returns to Education in the Russian Federation: Some New Estimates // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. Т. 25. № 3. С. 403–422.
- Minina E., Yanbarisova D., Pavlenko E. (2020) Educational Choice of Russian High School Students in Grade Nine // *International Studies in Sociology of Education*. Vol. 29. Iss. 4. P. 326–343.
- Salmi J., D'Addio A. (2021) Policies for Achieving Inclusion in Higher Education // *Policy Reviews in Higher Education*. Vol. 5. Iss. 1. P. 47–72.
- Shibanova E., Malinovskiy S. (2021) Higher Education in Soviet and Russian Welfare States: Hybridization, Continuity and Change // *European Journal of Higher Education*. Vol. 11. Iss. 3. P. 273–291.
- Teichler U. (2008) Diversification? Trends and Explanations of the Shape and Size of Higher Education // *Higher Education*. Vol. 56. Iss. 3. P. 349–379.
- Van Oorschot W., Gugushvili D. (2019) Retrenched, but Still Desired? Perceptions Regarding the Social Legitimacy of the Welfare State in Russia with EU Countries // *Europe-Asia Studies*. Vol. 71. Iss. 3. P. 345–364.
- Yastrebov G., Kosyakova Y., Kurakin D. (2018) Slipping Past the Test: Heterogeneous Effects of Social Background in the Context of Inconsistent Selection Mechanisms in Higher Education // *Sociology of Education*. Vol. 91. Iss. 3. P. 224–241.

Приложение

Материальное положение родителей

(рис. 4, 6, 10, 11, 13) фиксировалось, исходя из ответов на вопрос «К какой из следующих групп населения Вы скорее могли бы себя отнести, исходя из возможностей Вашего бюджета, не учитывая кредитные возможности?», и представлено в следующих группах:

1 (наименее обеспеченные) – «Нам не хватает денег даже на питание»;

2 – «Нам хватает денег на питание, но не хватает на одежду»;

3 – «Нам хватает денег на питание и одежду; покупка более дорогих вещей, таких как телевизор или холодильник, вызывает у нас проблемы»;

4 – «Мы можем покупать некоторые дорогие вещи, такие как холодильник или телевизор, но не можем купить автомобиль»;

5 – «Мы можем купить автомобиль, но не можем сказать, что не стеснены в средствах»;

6 (наиболее обеспеченные) – «Мы можем ни в чем себе не отказывать».

Уровень образования родителей (рис. 5, 7, 9, 14–19) фиксировался, исходя из ответов на вопрос об имеющемся уровне образования, и представлен в следующих группах:

начальное/основное общее – объединяет варианты ответов «Начальное общее (начальное) – не окончено 7–8, сейчас 9 классов школы» и «Основное общее (неполное среднее) – окончено 7–8, сейчас 9 классов школы»;

среднее общее – «Среднее общее – окончено 10, сейчас 11 классов школы»

среднее профессиональное – объединяет варианты ответов «Среднее профессиональное по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих (начальное профессиональное)» и «Среднее профессиональное по программам подготовки специалистов среднего звена (среднее специальное)»;

бакалавриат/специалитет – объединяет варианты ответов «Неполное высшее профессиональное (не менее двух курсов вуза)», «Высшее – бакалавриат», «Высшее – специалитет (в том числе высшее профессиональное)»;

магистратура / два высших – объединяет варианты ответов «Второе (третье и т. п.) высшее (высшее профессиональное)», «Высшее – магистратура».

Респонденты, указавшие наличие ученой степени, не представлены в анализе в связи с малой наполненностью группы.

В качестве эмпирической базы (если не указано другое) использованы данные обследования домохозяйств в рамках Мониторинга экономики образования, проведенного НИУ ВШЭ в 2021/2022 уч. г. В качестве генеральной совокупности в обследовании выступили домохозяйства Российской Федерации. Опрос проводился в формате личного интервью по месту жительства респондента с применением формализованной анкеты. Общая выборка наблюдения составила 9000 человек в 40 регионах страны и в равных долях включила: родителей детей дошкольного возраста; детей-школьников; детей, обучающихся по программам СПО (очная форма); детей, обучающихся в бакалавриате, специалитете или магистратуре (очная форма).

На рисунках представлены распределения ответов на вопросы по всей выборке, если не уточняется другое. Они не учитывают тех, кто затруднились с ответом или отказались отвечать. Если не указано другое, на оси координат отображены переменные, которые рассматриваются как факторы (образование и материальное положение респондентов); в легенду вынесены характеристики, социальная дифференциация распределения которых (в разрезе образования и достатка семьи)

подвергается анализу. Если не указано другое, вопросы предполагают один вариант ответа. В первом и втором разделах использованы данные, взвешенные по всем родителям,

в третьем разделе – взвешенные по соответствующей группе: родители школьников, родители студентов СПО, родители студентов вузов.

**Малиновский Сергей Сергеевич,
Шибанова Екатерина Юрьевна**

**БАРЬЕРЫ ДОСТУПНОСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
И СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЙ**

Информационный бюллетень

Редактор О.М. Климова
Дизайн И.В. Цыганков
Компьютерный макет В.Г. Паршина

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, Мясницкая ул., 20

Проект
«Мониторинг экономики
образования»

Аналитический доклад
«Цифровая среда в образовательных
организациях различных уровней»

Статистический обзор
«Среднее профессиональное
образование в России»

Аналитический доклад
«Среднее профессиональное образование
в России: ресурс для развития экономики
и формирования человеческого капитала»

Статистический обзор
«Дошкольное образование
в России»

Аналитический доклад
«Векторы развития дошкольного образования
в условиях современных вызовов»

Статистический обзор
«Высшее образование
в России»

Аналитический доклад
«Школьное образование в контексте
национальных целей и приоритетных проектов»

Информационные бюллетени
серии «Мониторинг экономики
образования»

Сборник
«Мониторинг экономики
образования: 2020»

Статистический сборник
«Индикаторы образования»

Краткий статистический сборник
«Образование в цифрах»

